

INSPIRIA



18+

Podcast
ПОДКАСТ
БЫВШИХ

РЕЙЧЕЛ ЛИНН СОЛОМОН



INSPIRIA

Pink room. Страстная вражда

Рейчел Линн Соломон

Подкаст бывших

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Соломон Р.

Подкаст бывших / Р. Соломон — «Эксмо», 2021 — (Pink room. Страстная вражда)

ISBN 978-5-04-155091-2

«Подкаст бывших» — легкий и остроумный современный ромком с элементами производственного романа, рассчитанный на девушек, которые ищут не прекрасного принца, а человека, которого можно было бы назвать «своим», без ущерба для собственного «я» и карьеры. Шай Голдстайн — успешная продюсер на радио и обожает свою работу. Но на станции появляется Доминик Юн, недавний выпускник престижного университета, убежденный, что знает об индустрии все. Их взгляды, мягко говоря, расходятся, и их ежедневные пикировки привлекают внимание шефа. Когда едва держашейся на плаву радиостанции требуется новое шоу, Доминик и Шай делают предложение от которого невозможно отказаться. Им придется стать соведущими. Им придется выдумать историю отношений. Им придется притвориться бывшими и давать советы слушателям в прямом эфире. Но похоже, они так хороши в своих ролях, что «подкаст бывших» может превратиться в «подкаст будущих»... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-155091-2

© Соломон Р., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	7
2	14
3	20
4	27
5	32
6	37
7	44
8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Рейчел Линн Соломон

Подкаст бывших

Айвену

Спасибо за то, что отправился со мной в это путешествие, за непоколебимую поддержку и за то, что любишь истории так же сильно, как я. С тобой я всегда как дома.

Я вовсе не ищу истории, случившиеся из-за человеческой неправоты, отнюдь. Но факт остается фактом: многие великие истории случились из-за того, что люди ошибаются.

Айра Гласс¹

© Захаров М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Доминик Юн в моей комнате звукозаписи.

Он знает, что это моя комната. Он здесь уже четыре месяца и не может не знать, что это моя комната. Она занесена в общий календарь станции, привязанный к нашей почте. В голубом пузыре указано: «Комната С: Голдстайн, Шай. С понедельника по пятницу, с 11 до полудня. На веки вечные».

Я стучусь в дверь, но на то она и комната записи, что не пропускает внешние звуки. Перечень моих недостатков можно растянуть на полчаса эфира без единой рекламной паузы, но не такая я злодейка, чтобы ворваться и запороть то, что записывает Доминик. Пускай он и самый неопытный репортер Тихоокеанского общественного радио, но я слишком уважаю искусство сведения, чтобы допустить подобное. Происходящее в этой комнате священо.

Едва сдерживая гнев, я прислоняюсь к стене напротив комнаты С. Над входом мигает знак «ИДЕТ ЗАПИСЬ».

– Воспользуйся другой комнатой, Шай! – окликает меня по пути на обед ведущая моей передачи Палома Пауэрс. (Вегетарианская якисоба из забегаловки напротив по вторникам и четвергам последние семь лет. На веки вечные.)

Я бы и воспользовалась. Но пассивная агрессия куда веселее.

На общественном радио работают не только сладкоголосые интеллектуалы, выпрашивающие деньги во время марафонов по сбору средств. На каждое рабочее место в этой среде приходится сотня отчаянных выпускников журфака, которые *«ну просто обожают «Эту американскую жизнь»*», поэтому иногда, чтобы выжить, приходится быть безжалостной.

Но я скорее не безжалостная, а упрямая. Благодаря этому качеству я десять лет назад прошла здесь стажировку, а теперь, в двадцать девять, стала самым молодым старшим продюсером в истории станции. Я мечтала об этом с детства, пускай даже тогда мне и хотелось сидеть не за компьютером, а у микрофона.

После того как я заверяю младшего продюсера Рути Ляо, что промо будут готовы до полудня, и после того как журналист-эколог Марлен Харрисон-Йейтс бросает на меня короткий взгляд и взрывается смехом, а затем исчезает в значительно уступающей по размерам комнате В, дверь комнаты С наконец-то открывается. На часах 11:20.

Сначала я вижу его ботинок – сверкающий черный оксфорд, – а затем и все двухметровое тело: угольного цвета брюки и темно-бордовую рубашку с расстегнутой верхней пуговицей. Обрамленный проходом в комнату С и насупившийся над своим сценарием, он словно позирует для стоковой фотографии из категории «бизнес-кэжуал».

– Все слова сказал в нужном порядке? – спрашиваю я.

– Кажется, да, – на полном серьезе обращается Доминик к своему сценарию. – У тебя ко мне какой-то вопрос?

Мой голос сочится приторной патокой:

– Просто жду свою комнату.

Он преградил мне дорогу, поэтому я продолжаю его внимательно изучать. Засученные по локоть рукава, слегка спутавшиеся черные волосы. Может быть, он зарылся в них руками, расстроившись, что репортаж не получился таким, как он хотел. Это бы приятно оттенило его предыдущие репортажи, заполнившие наш сайт и популярные за счет броских заголовков, но страдающие от недостатка эмоциональной глубины. Может быть, за те судьбоносные двадцать минут, что он провел в комнате С, Доминика так достало общественное радио, что он сейчас же извинится перед Кентом и скажет ему, что эта работа не для него.

Едва ли он провел здесь достаточно времени, чтобы почувствовать тонкую разницу между комнатами А, В и моей любимицей С: наушники в комнате С идеально отлажены, а вес

регуляторов на пульте упрощает их переключение. Кроме того, он не осознает особой важности комнаты С: именно здесь я свела дорожки для первой самостоятельно созданной передачи – она была посвящена тем, кто празднует День отца без отца, и привлекла такое внимание, что линия была занята на протяжении нескольких часов. Слушая эти истории, я впервые за много лет почувствовала себя чуть менее одинокой и вспомнила, почему изначально пошла работать на радио.

Так что я бы сказала, дело не только в комнате С – вероятно, я болезненно привязана к этим шести с половиной кубическим метрам проводов и ручек.

– Она твоя, – говорит он, но не двигается с места и не поднимает глаз от сценария.

– Да, как и положено: по будням с 11 до полудня. Если у тебя не работает календарь, наверное, об этом нужно сообщить сисадмину.

Наконец он переводит взгляд со сценария на меня – то есть вниз. Слегка ссутулившись, он прислоняется к дверному косяку. Он всегда так делает – наверное, потому, что здания обыкновенного размера для него слишком малы. Мой рост – 160 сантиметров, и я осознаю это острее всего, когда стою рядом с Домиником.

Когда наша администратор Эмма фотографировала его для сайта, он все время краснел – возможно, потому, что на станции он единственный парень до тридцати и при этом не стажер. На фотографии он абсолютно серьезен, только краешек рта слегка искривлен, словно маленькая скобочка тянет в уголок его губы. Когда фото опубликовали, я долго смотрела на этот краешек и недоумевала, с чего бы это Кент нанял того, чья нога никогда не ступала внутрь радиостанции. Кент потерял голову из-за магистерской степени по журналистике, полученной Домиником в Северо-Западном университете², и из-за обилия завоеванных им журналистских наград университетского круга.

Доминик улыбается мне – еще более натянуто и сдержанно, чем на фото с сайта.

– На часах было 11:05, внутри никого, а у меня припасена громкая новость. Жду подтверждения от еще одного источника.

– Класс. Ну а мне нужно свести заставки для Паломы, так что... – Я пытаюсь войти в комнату, но он не шевелится, а его немислимо высокая фигура мешает мне пройти. Я малявка, пытающаяся привлечь внимание гризли.

Знакомая скобочка слегка растягивает рот.

– Тебе что, совсем неинтересно?

– Уверена, что прочту об этом завтра в «Сиэтл таймс».

– Но где же твой командный дух? Общественное радио бывает *громким*, – настаивает он. Мы уже десятки раз спорили об этом, начиная с его первых недель на станции, когда он спрашивал, почему никто из наших репортеров не посещает собрания муниципального совета на регулярной основе. – Разве не здорово хотя бы однажды выдать новость первыми, а не гнаться за ней?

Судя по всему, Доминик не понимает, что «громкие новости» – не наша прерогатива. Когда во время тренинга я сказала ему, что иногда наши репортеры просто переписывают новостные сводки из «Таймс», он посмотрел на меня так, словно я отменила раздачу фирменных шоперов во время кампании по привлечению средств³. Наши репортеры делают отличную работу – важную работу, – но мне всегда казалось, что общественному радио лучше уделять внимание длинным материалам, доскональным расследованиям и человеческим историям. Им и посвящена моя передача «Звуки Пьюджет», и мы отлично справляемся. Название (производ-

² Северо-Западный университет (англ. Northwestern University) – престижный американский университет, расположенный в северном пригороде Чикаго – городе Эванстон, штат Иллинойс. Входит в список 20 лучших университетов мира. (Прим. ред.)

³ Американские общественные радиоканалы проводят подобные кампании (англ. pledge drive) два-четыре раза в год, так как их финансирование большей частью зависит от частных слушателей и локальных спонсоров. (Прим. ред.)

ное от Пьюджет-Саунд, залива у северо-западного побережья штата Вашингтон) придумала Палома.

– Люди хотят от нас не громких новостей, – говорю я, пытаюсь не повышать голос. – Мы провели исследование. И не важно, у кого локальный эксклюзив. Завтра он уже будет на каждой станции, в каждом блоге и в каждом твиттере с двадцатью семью подписчиками, и всем уже будет все равно, где они его услышали впервые.

Он скрещивает руки на груди, и это привлекает мое внимание к обнаженным предплечьям и узорам из темных волос, исчезающим в рукавах. Я всегда тащилась от предплечий (закатывание рукавов – почти прелюдия для меня), но обидно, что такие отличные предплечья достались именно ему.

– Хорошо, хорошо, – говорит он, – на настоящем радио рассказывают о... напомни, какой у тебя сегодня блок?

– «Спроси у дрессировщицы», – отвечаю я, выпятив подбородок в надежде, что это создаст впечатление уверенности. Я отказываюсь краснеть за один из наших наиболее популярных блоков – прямой эфир с известной специалисткой по поведению животных Мэри Бет Баркли (на 98 % уверена, что это псевдоним⁴), которая отвечает на вопросы слушателей. Она всегда приводит своего корги, а это факт, что с собаками все становится лучше.

– Ты занимаешься по-настоящему важным общественным делом – анализируешь кошачью рвоту в прямом эфире, – он отходит, и дверь со стуком захлопывается за ним. – Наверное, я болел, когда нам это преподавали в магистратуре. Немногие способны так передать все тонкости, как твоя передача.

Прежде чем у меня появляется возможность ответить ему, по коридору проходит Кент в фирменных подтяжках и галстук с новым узором – сегодня это крошечные ломтики пиццы пепперони. Кент О’Грэйди: программный директор станции и обладатель голоса, прославившего его в Сиэтле несколько десятилетий назад.

Кент хлопает Доминика по плечу, но он лишь на пару сантиметров выше меня, поэтому рука приземляется на бицепс.

– Вас-то я и искал. Дом, как продвигается история? У нас есть скандал?

Дом. За десять лет я ни разу не слышала, чтобы Кент так быстро сострепал прозвище.

– Скандал? – спрашиваю я, оживившись.

– Возможно, – отвечает Доминик. – Я жду еще один звонок, чтобы все подтвердить.

– Вот и отлично, – Кент проводит рукой по седеющей бороде. – Шай, сможет ли Палома провести с Домом интервью в пиковое время в прямом эфире?

– В прямом эфире? – переспрашивает Доминик. – То есть... без предварительной записи?

– Конечно, – отвечает Кент, – мы хотим первыми объявить эту новость.

– Такие уж они – срочные новости, – говорю я, наблюдая за бледнеющим Домиником. Я не желаю уступать ему эфирное время, но обеими руками за, если это выведет его из равновесия. – Наверное, мы можем выделить тебе пару минут «Спроси у дрессировщицы».

Кент щелкает пальцами:

– Напомни мне поговорить с Мэри Бет, прежде чем она уйдет. В последнее время Тэф-телька вытаскивает еду из миски на пол и только тогда ест.

– Всего лишь пару минут, да? – спрашивает Доминик дрожащим голосом.

– Максимум пять. Все будет окей, – ухмыляется Кент и возвращается в офис.

– Пожалуйста, не испогань мою передачу, – говорю я Доминику, а затем проскальзываю в комнату С.

⁴ Баркли – фамилия, образованная от глагола bark (англ. «гавкать»).

Доминик Юн в моей студии.

Строго говоря, в трех смежных студиях: в той, где обычно сидим мы с диктором за микшерной консолью, то есть «пультом»; в небольшой студии для принятия звонков; и студии А, где прямо сейчас расположилась Палома со своим сценарием, бутылкой чайного гриба и пустым стаканом. Доминик, сидящий напротив, заламывает руки после того, как опрокинул упомянутый стакан на сценарий Паломы. Рути пришлось поспешно напечатать новую копию.

– Мэри Бет здесь, – говорит мне вошедшая в студию Рути, которая прибралась за Домиником. – И да: у нее есть вода, и у собаки – тоже.

– Супер. Спасибо. – Я надеваю наушники и пробегаюсь по плану передачи. Сердце колотится в знакомом предэфирном ритме.

«Звуки Пьютджет» – часовой выброс адреналина по будням с двух до трех часов дня. Будучи старшим продюсером, я руковожу прямым эфиром: подаю сигналы Паломе, звоню гостям и соединяю их со студией, отслеживаю время каждого из блоков и справляюсь с любыми форс-мажорами. Рути приводит гостей, а наш стажер Гриффин сидит на линии прямого эфира в смежной комнате.

Иногда мне не верится, что я занимаюсь этим пять раз в неделю. Тысячи людей по всему городу настраивают свои телефоны, приложения и браузеры на частоту 88.3 FM. Некоторые из них настолько вдохновятся, развеселятся или даже возмутятся, что позвонят нам, чтобы поделиться историей или задать вопрос. Именно эта интерактивная составляющая – возможность услышать Палому через наушники, а в следующее мгновение выйти с ней на связь в прямом эфире – делает радио лучшей формой журналистики. С радио мир становится немного меньше. Даже если вы слушаете передачу с сотнями тысяч поклонников по всей стране, вам будет казаться, что ведущий говорит именно *с вами* — а в некоторых случаях еще и так, словно вы друзья.

Я нервно болтаю в воздухе коричневым ботильоном, опустив кресло на самую нижнюю позицию. Рядом со мной Рути поправляет наушники на своих коротко стриженных платиновых волосах, а затем кладет руку мне на ногу, чтобы успокоить.

– Все будет хорошо, – говорит она, кивая в сторону Доминика через стекло, разделяющее нас. Мы пытаемся не афишировать свою вражду, но Рути, обладающая интуицией авангарда поколения Z, подметила ее в первые же недели после его найма. – Бывало и хуже.

– И правда. Спасибо, что в последнюю минуту еще раз обзвонила всех четырех гостей нашей передачи об иррациональных страхах. Ты навеки моя героиня.

Я обожаю Рути, которая пришла к нам из куда более быстрого, хотя и постоянно прерывающегося на рекламу коммерческого радио. Периодически я застаю ее напевавшей себе под нос мелодию джингла⁵ 1—877-KARS-4-KIDS⁶. Рути говорит, что она ее преследует.

Из дикторского кресла в центре студии – эргономичной конструкции, заказанной им в Швеции, – поднимается Джейсон Бернс. Перед ним растянулся пульт.

– Тишина в студии, пожалуйста, – говорит он своим теплым и сладким, как кленовый сироп, голосом, задерживая руки над несколькими регуляторами. Джейсон – милый парень за тридцать, которого я всегда вижу только во фланелевой рубашке в клетку и джинсах – экипировке дровосеков и коренных сиэтлцев.

Рядом с часами загорается знак «В ЭФИРЕ».

– 88.3 FM. Вы слушаете Тихоокеанское общественное радио, – говорит Джейсон. – Прямо сейчас – последние местные новости в передаче «Звуки Пьютджет». Кроме того, Палома

⁵ Короткая и очень запоминающаяся рекламная мелодия. (Прим. ред.)

⁶ *Kars4Kids* (англ. «Машины для детей») – детская благотворительная организация, принимающая в дар транспортные средства.

Пауэрс задаст дрессировщице все наболевшие вопросы о поведении животных. Но сначала – новости от Национального общественного радио.

Знак «В ЭФИРЕ» гаснет. *«Новости НОР из Вашингтона, с вами Шанти Гупта...»*

Сложно найти более успокаивающие звуки, чем голос ведущей новостей НОР, но Шанти Гупта не утешает меня так, как обычно. Я слишком зациклена на абсолютной противоположности того, что Доминик расположился рядом с Паломой.

Я нажимаю на кнопку, чтобы выйти с ним на связь.

– Не сиди слишком близко к микрофону, – говорю я, и он настолько пугается моего голоса в своих ушах, что брови подскакивают к шевелюре, – иначе все, что мы будем слышать, – это твоё сопение.

Его рот двигается, но я ничего не слышу.

– Нажми на...

– А ты ведь и правда хочешь, чтобы я облажался, да?

Вопрос висит у меня в ушах. Если Палома и обращает на нас внимание, то она этого не показывает, а делает пометки на полях своего плана. Внезапно мне слишком жарко в свитере.

Десять лет назад я была вундеркиндом – стажеркой, которая писала идеальные планы для выступлений, находила захватывающие темы для передач и сумела доказать Паломе и её бывшему продюсеру – парню, который уволился, прежде чем я устроилась на его место, – что чего-то стою. «Такой спец – и это в девятнадцать-то лет! – ревел Кент. – Однажды она будет здесь главной».

Я не хотела быть главной. Все, чего я хотела, – рассказывать хорошие истории.

И вот, Доминик: наш новоиспеченный сотрудник, едва закончивший магистратуру – и уже в прямом эфире.

– Эфир через десять минут, – говорит Джейсон, прежде чем я успеваю что-то ответить Доминику. Отмахнувшись от зависти, я концентрируюсь на том, за что больше всего люблю свою работу.

Я выскальзываю из кресла и устанавливаю зрительный контакт с Паломой, вытянув руку вверх в сторону воображаемых двенадцати часов. «Пять, четыре, три, два...» Затем я постепенно опускаю руку, наводя на неё палец, и она *в эфире*.

– С вами Палома Пауэрс, и вы слушаете «Звуки Пьюджет», – говорит она в отработанной манере. Её голос – темный шоколад, низкий и зрелый, с ноткой женственности. Так много силы в подобном голосе – в способности заставить людей не только слушать, но и *прислушаться*.

На фоне её голоса звучит заставка – яркая фортепианная мелодия. Джейсон постепенно приглушит её, когда Палома закончит вступление.

– Сегодня с нами в студии известная специалистка по поведению животных Мэри Бет Баркли, которая ответит на все ваши вопросы о питомцах. Может быть, вы не знаете, как познакомить нового котенка со своим домом или научить старую собаку новым трюкам? Мы хотим от вас обратной связи. Звоните по номеру 206–555—8803, и мы попытаемся ответить на любые вопросы. Но сперва – срочные новости от репортера Доминика Юна, который присоединяется к нам в прямом эфире. Доминик, добро пожаловать на «Звуки Пьюджет».

Доминик молчит. Он даже не смотрит на неё, а просто уставился на заметки, будто все еще ждет сигнала.

Мертвый эфир – это плохо. Обычно мы выдерживаем пару секунд без жалоб слушателей, но стоит промолчать чуть дольше, и у нас уже серьезные проблемы.

– Блядь, – говорит Рути.

– *Ну скажи же что-нибудь*, – бормочу я ему в наушник. Я машу ему руками, но он совершенно окаменел.

Что ж, если он утопит мою передачу, по крайней мере он пойдет на дно вместе с ней.

– Доминик, – подталкивает его по-прежнему бодрая Палома, – мы рады, что ты с нами!

А потом что-то срабатывает, как будто адреналин наконец-то побежал по его венам. Доминик приходит в себя и наклоняется к микрофону.

– Спасибо, Палома, – говорит он сперва неровно, но затем более гладко. – Я очень рад быть здесь. Твоя передача – первая, которую я прослушал, прежде чем переехать в Сиэтл ради этой работы.

– Замечательно, – говорит Палома. – Что ты хотел нам рассказать?

Он выпрямляется.

– Все началось с анонимной наводки. Знаю, что вы подумали. Иногда наводки – не более чем слухи, но если задавать правильные вопросы, можно докопаться до истины. Насчет этой наводки у меня было чувство – назовем его журналистской интуицией, – что это не слухи. Я расследовал схожий случай, касающийся одного из преподавателей, когда учился в Северо-Западном университете. – Драматичная пауза, а затем: – Я обнаружил, что у мэра Скотта Хили есть вторая семья. И хотя его личная жизнь – не наше дело, он воспользовался средствами своей избирательной кампании, чтобы замаять историю.

– Пизде-е-ец, – протягивает Джейсон, крутанувшись в кресле ко мне с Рути. На кулисы цензура не распространяется.

– Не зря я отказалась за него голосовать, – говорит Рути. – Не нравилось мне его лицо.

– Это... это серьезные обвинения, Доминик, – говорит очевидно потрясенная, но быстро опомнившаяся Палома. – Мэр Хили несколько раз приходил к нам на передачу. Можешь рассказать, как ты это выяснил?

– Все началось с собрания муниципального совета в прошлом месяце... – И он пускается в рассказ о том, как нашел финансовые отчеты и отследил, куда переводились деньги, и как он в конечном итоге убедил тайную дочь мэра поговорить с ним.

Проходят две минуты. Три. Когда мы приближаемся к пяти минутам, я пытаюсь подать Паломе сигнал о переходе к следующему блоку, но она целиком погружена в рассказ Доминика. Я прикидываю, можно ли перерезать ногтями шнур микрофона.

– Я не поспеваю за звонками, – звучит в моем ухе голос Гриффина.

Я нажимаю на кнопку и говорю с ним напрямую:

– Запиши их вопросы и скажи, что Мэри Бет ответит на те из них, что успеет.

– Ты не понимаешь – это вопросы о мэре. Они хотят поговорить с Домиником.

А. Так вот оно что. Стиснув зубы, я врываюсь в групповой чат.

Поступают звонки, Д может ответить на?ы?

– Судя по всему, нам поступает много вопросов, – говорит Палома, бросив взгляд на экран. – Сможешь ответить на звонки слушателей?

– Конечно, Палома, – говорит Доминик с непринужденностью профессионала, а не человека, пару раз поигравшегося с диктофоном в университете и решившего: ну а почему бы и не поработать на радио.

Когда его глаза встречаются с моими через стеклянную перегородку, ненависть к нему закипает у меня в груди и заставляет сердце бешено биться. Его челюсти сжаты, и он кажется мне решительнее, чем когда-либо, словно понимает, как сильно мне хочется быть на его месте. Его рот изгибается в торжествующей полуулыбке. Комментирование в прямом эфире: еще один навык, которым Доминик Юн наделен от природы.

Кент вламывается внутрь.

– Шай, нам придется перенести Мэри Бет. Это охренеть какой материал.

– Рути, – говорю я, но она уже на полпути к выходу.

– Отличная работа, – говорит Кент, хлопая Джейсона по плечу. – Я рад, что у нас сегодня все получилось.

Я борюсь со своими очками, потирая переносицу, где зреет головная боль.

- Это неправильно, – говорю я, когда Кент уходит.
- Это охренеть какой материал, – напевает Джейсон, подражая Кенту.
- Он нарушает границы.
- Публика что, не имеет права знать, что их мэр – жуликоватый говнюк?
- Имеет, но не на нашей же передаче.

Джейсон следит за моим пристальным взглядом, поочередно смотря то на Доминика, то на меня. Нас с Джейсоном наняли с промежутком в несколько недель, и он знает меня достаточно хорошо, чтобы угадать причину моего недовольства.

– Ты злишься, потому что у Доминика отлично получается, – говорит он. – Ты злишься, потому что у него прирожденный талант и потому что он в эфире спустя пару месяцев после начала работы.

– Я... – начинаю я, но спотыкаюсь. Когда он так обо мне говорит, я чувствую себя полной дрянью. – Не важно, что я обо всем этом думаю. Я не хочу быть в прямом эфире. – По крайней мере, больше не хочу. Какой смысл хотеть чего-то, что никогда не произойдет?

Входит раскрасневшаяся Рути.

– Мэри Бет в бешенстве, – она зажимает наушники на ушах. – Ради эфира ей пришлось отменить частное занятие по дрессировке с кем-то из детей Билла Гейтса.

- Мы принесем ей свои извинения по почте. Или даже нет – я позвоню ей лично.
- У меня недостаточно линий, – раздается в моем ухе голос Гриффина.
- Рути, сможешь Гриффину? Я подключусь, если понадобится.
- Будет сделано.
- Спасибо.

Доминик зачитывает информацию о каждом тайном платеже. Цифры ошеломляют. И не то чтобы передача плохая – просто каким-то образом она превратилась в его передачу, а я больше не контролирую ситуацию. Звезда здесь – он.

Я откидываюсь в кресле и передаю инициативу Паломе и Доминику. Он завоюет награды и аудиторию, а я останусь здесь – за кулисами.

На веки вечные.

2

Отец никогда не выходил в прямой эфир, но его голос идеально подходил для радио: сильный, но мягкий, как треск камина в самую холодную ночь года. Он рос, занимаясь починкой приемников, и открыл собственную мастерскую по ремонту электроники – впоследствии он научился еще и чинить ноутбуки и телефоны. «Гаджеты Голдстайна»: мое самое любимое место в мире.

От него я унаследовала любовь к общественному радио, но не его голос. Такой высокий голосок, как у меня, мужчины обожают использовать в качестве оружия против женщин. Пронзительный. Глупый. *Девчачий*, как будто быть девчонкой – худшее оскорбление на свете. Меня дразнили всю жизнь, и я до сих пор жду хитроумно завуалированных оскорблений всякий раз, когда заговариваю с кем-нибудь впервые.

Папе было все равно. Мы проводили радиопередачи у себя на кухне («Скажите-ка, Шай Голдстайн, что за хлопья у вас сегодня на завтрак?») и во время поездок («Как бы вы описали природу возле нашего привала у черта на куличках?»). Я проводила дни напролет вместе с ним в «Гаджетах Голдстайна», делая домашку и слушая радиовикторины, «Разговоры о тачках»⁷ и «Эту американскую жизнь». Нам только и нужна была, что хорошая история.

Мне так хотелось, чтобы он услышал меня по радио, даже если это никому больше не было нужно.

Когда он умер во время моего выпускного года в старшей школе после внезапной остановки сердца, это абсолютно уничтожило меня. Плевать на уроки. На друзей – тоже. Я не включала радио несколько недель. Каким-то чудом мне удалось заработать четверку с минусом во время вступительных экзаменов в Вашингтонский университет, но я даже не хотела отпраздновать поступление. Я все еще была в депрессии, когда получила стажировку на Тихоокеанском общественном радио, и потихоньку выкарабкалась из тьмы, убедив себя, что единственный способ двигаться дальше – это восстановить то, что было утрачено. И вот я здесь – двадцати девяти лет от роду, цепляюсь за прежнюю детскую мечту.

– Заставь людей плакать, а потом – смеяться, – говорил мой отец. – Но самое важное – расскажи им хорошую историю.

Даже и не знаю, что бы он сказал о «Спроси у дрессировщицы».

Сегодня я на ужине – пятое колесо. К тому моменту, как в час пик я залетаю во франко-вьетнамский фьюжн-ресторан в районе Кэпитал-Хилл, моя мама со своим партнером Филом и моя лучшая подруга Амина со своим парнем Ти Джеем уже расположились за столиком. Мы с Аминой Чадри выросли в домах напротив, и она неотъемлемая составляющая моей жизни на протяжении вот уже больше двадцати лет.

– Опоздала всего-то на десять минут, – говорит Амина, вскакивая с места, чтобы заключить меня в крепкие объятия. – Новый рекорд, да?

Ти Джей достает телефон, чтобы свериться с заметками:

– В прошлом марте мы все пришли на ужин вовремя, кроме Шай, которая опоздала на три минуты.

Я закатываю глаза, но вина скручивает живот.

– Я тоже очень рада вас видеть и правда дико извиняюсь. Спешила кое-что закончить и потеряла счет времени.

Мы пытаемся как можно регулярнее ужинать вместе, но мама и Фил – скрипачи в Сиэтлском симфоническом оркестре с постоянными выступлениями по вечерам, Амина – рекрутер

⁷ Еженедельное автомобильное ток-шоу, ведущие которого – братья Том (1937–2014) и Рэй (р. 1949) Мальюцци.

в «Майкрософт», а Ти Джей – какая-то важная шишка в финансах (я так до конца и не поняла, чем он занимается). В некоторых случаях (ладно, в большинстве случаев) я задерживаюсь на станции, чтобы убедиться, что все готово для завтрашнего шоу. Сегодня я висела на телефоне, целый час извиняясь перед Мэри Бет Баркли.

Я обнимаю маму и Ти Джея, жму руку Филу. Все еще не пойму, как относиться к тому, что у мамы есть партнер. До Фила ее вроде бы не интересовали отношения. Но они много лет дружили, и он потерял жену спустя пару лет после того, как мы потеряли папу. Они поддерживали друг друга во время горя (которое, разумеется, никогда не пройдет), пока в конечном итоге не превратились друг для друга в несколько иную систему поддержки.

Пора бы мне уже с этим свыкнуться, но в прошлом году, к тому времени, как они начали встречаться, я только успела привыкнуть к образу матери-вдовы.

– Обожаю дразнить Шай, – говорит мне мама с полуулыбкой, – но и о еде не стоит забывать. Закуски?

Фил указывает на блюдо в меню:

– Свиные ребрышки с перцем чили и тмином должны быть просто объединение, – говорит он с нигерийским акцентом.

После того, как мы делаем заказ и обмениваемся любезностями, Амина с Ти Джеем быстро переглядываются. До того, как они начали встречаться, это мы с Аминой обменивались взглядами и внутренними шуточками. Немного тяжелее быть пятым колесом, когда начинаешь осознавать, что у тебя никого нет. Амина и Ти Джей живут вместе, поэтому неудивительно, что она делится с ним секретами прежде, чем со мной, а у моей мамы есть Фил. Я для всех верный «второй», но ничей «первый».

Сейчас я бойкотирую дейтинг-приложения – я делаю это всякий раз, когда на пролистывание анкет уже не остается никаких сил. Судя по всему, я обречена на отношения, которые длятся не более пары месяцев. Я так сильно хочу того же, что у Амины с Ти Джеем (пять лет отношений после того, как их заказы перепутали в кофейне), что всегда тороплю события. Я всегда признавалась в любви первой, и не так уж часто можно смириться с гробовым молчанием в ответ.

Не буду врать: мне хочется быть «первой», той, кому кто-то доверяет все на свете.

– У меня новости, – говорит Амина. – Завтра у меня собеседование с «Охраной природы». То есть это еще не новости, но уже почти. Только первое собеседование по телефону, но... – Она обрывает фразу и пожимает плечами, но темные глаза искрятся воодушевлением.

Когда Амина начала работать в «Майкрософт», она собиралась приобрести необходимый опыт, чтобы впоследствии заниматься рекрутингом в организации, приносящей пользу, в идеале – окружающей среде. Она была президентом и организатором школьного «Компост-клуба». (По умолчанию я была вице-президентом.) Она ратует за медленную моду и покупает всю свою одежду на барахолках и в комиссионках, а еще у них с Ти Джеем на балконе впечатляющий травяной сад.

– Ты серьезно? Это же потрясающе! – говорю я, протягивая руку за ребрышком, блюдо с которыми официант ставит по центру стола. – У них есть отделение в Сиэтле?

– Э, нет, – говорит она чуть менее уверенно. – У них штаб-квартира в Вирджинии. Но я сомневаюсь, что меня возьмут.

– Не списывай себя со счетов, пока не пройдешь собеседование, – говорит Фил. – Знаешь, сколько людей прослушиваются в оркестр? Шансы были совсем не в нашу пользу, хотя мне все еще кажется нелепым, что Лианну прослушивали трижды.

Мама сжимает его руку, но сияет от комплимента.

– Вирджиния – это... далеко, – говорю я с умным видом.

– Забудем пока о Вирджинии. – Амина смахивает выбившуюся нитку с винтажного темно-серого пиджака – из-за него мы чуть не подрались на распродаже в прошлом месяце. –

Меня ведь и правда не возьмут. Я самый молодой рекрутер в команде. Им нужен кто-то с большим опытом.

– Скучаю я по тем временам, когда была самой молодой в команде, – говорю я, близко приняв к сердцу слова Амины «забудем пока о Вирджинии». Они просто не укладываются у меня в голове. – Такое чувство, что стажеры с каждым годом все моложе и моложе. Они все такие искренние и энергичные. Один из них как-то сказал мне, что не знает, как выглядит магнитофонная пленка.

– Типа того журналиста, на которого ты вечно жалуешься? – спрашивает мама. – Как его там?

– Доминик какой-то там, да? – спрашивает Фил. – Но мне понравился тот репортаж, где он сравнил финансирование искусств в Сиэтле с финансированием в других городах.

– Он не стажер, а любимый репортер Кента. – А также новая звезда «Звуков Пьюджет», судя по данным, которые я нарыла в социальных сетях после репортажа. В «Твиттере» все от него без ума, что только доказывает: «Твиттер» – тот еще сумасшедший дом.

– Поговорим, когда тебе исполнится тридцать, – говорит Амина. Мы отметили ее тридцатилетие два месяца назад, в прошлом декабре, а мой черед наступит в этом октябре. Я все еще не могу поверить.

Мама машет рукой:

– Ради бога, вы обе еще совсем крохи.

Ей легко говорить – моя мать потрясающая: темно-рыжие волосы, острые скулы и полный шкаф шикарных черных платьев, при виде которых Одри Хепберн тихонько, красиво заплакала бы. На каждом выступлении она затмевает любого из пятидесяти музыкантов оркестра.

Я распускаю волосы, по обыкновению собранные в хвост, и поправляю длинную челку, достающую до черепаховых очков. *Густые, каштановые и жесткие* – три неутешительных определения, которые описывают мои волосы. Я думала, что рано или поздно научусь их укладывать, иногда борюсь с выпрямителем, иногда – с щипцами для завивки, и в итоге всегда останавливаюсь на хвосте.

Изучая маму в поисках физических сходств между нами (спойлер: их нет), я вдруг замечаю, как странно она себя ведет. Она то и дело поглаживает ямку у горла (всегда это делает, когда нервничает) и не ест, а возит еду по тарелке. Обычно они с Филом очень ласковы друг с другом. Однажды к нам на передачу приходила эксперт по языку тела, и ее описание того, как ведут себя люди, когда влюбляются друг в друга, идеально совпадало с их поведением. Фил всегда держит руку у нее на поясице, а она часто прикасается к его лицу и проводит большим пальцем по щеке.

Сегодня вечером ничего подобного не происходит.

– Как поживает твой дом? – спрашивает Фил, и я отвечаю преувеличенным стоном. Он выставляет ладони и мягко посмеивается.

– Прости. Не знал, что это больная тема.

– Нет-нет, – говорю я, пускай это и немного больная тема. – Дом замечательный, но мне стоило дожидаться чего-то поменьше.

– Там же три комнаты и одна ванная?

– Да, но...

Долгие годы мы с Аминой снимали жилье в Балларде, а затем она съехала с Ти Джеем. Покупка дома казалась мне правильным решением: мне было почти тридцать, я скопила достаточно денег и не собиралась в ближайшее время переезжать из Сиэтла. Работа на общественном радио во многом схожа со службой в Верховном суде – большинство задерживается надолго. Даже если бы я и захотела стать ведущей, я бы не смогла найти работу на другой станции. Это невозможно без стажа, а его нельзя получить, если у тебя нет хотя бы минимального опыта. Вот они – радости миллиennialного трудоустройства.

Поскольку я решила, что следующим шагом в списке «Как стать взрослой» должна стать покупка недвижимости, я купила дом в стиле крафтсман в Уоллингфорде – «уютный», по мнению моего риелтора, но, пожалуй, слишком большой для одного жильца. В нем всегда холодно, и даже спустя шесть месяцев после покупки той самой мебели, которая, как я думала, мне нужна, в нем все еще пусто. Одиноко.

– Наверное, мне еще нужно многое сделать, – заканчиваю я, не совсем понимая, что под этим имею в виду.

– Это отличное денежное вложение, – говорит Фил. – Покупка дома – всегда хорошее решение. Кто-нибудь из моих детей наверняка с радостью поможет тебе с покраской или починкой.

У Фила трое сыновей и дочь. Все члены семьи Аделеке высокие, в отличной физической форме и счастливы в браке – у большинства уже есть дети. Пару месяцев назад мы с мамой впервые отметили Рождество с большой семьей Фила, отказавшись от собственной еврейской традиции: китайской еды за просмотром фильма. Сперва я колебалась, потому что мне нравилось проводить это время с мамой, но нас встретили так тепло и радушно, что сохранять кислую мину было невозможно.

– Спасибо, – говорю я. – Ловлю вас на слове.

Стакан разлетается на куски; мама застенчиво улыбается.

– Простите, – говорит она, когда официант подбегает, чтобы прибраться.

– Ты в порядке, Лианна? – спрашивает Фил.

Она сжимает ярко-красные губы и кивает.

– Все хорошо. Да. Я в порядке. – Рука снова поглаживает горло. – Фил, я... Я хочу кое-что сказать.

Только не это. Не может же она вот так расстаться с ним? Не перед всеми нами, не на людях. Моя мать слишком утонченная для этого.

Амина так же озадачена, как и я. Мы все кладем вилки и наблюдаем за тем, как мама отодвигает стул и встает, дрожа всем телом. Господи – она что, больна? Может быть, ради этого ужин и затевался – чтобы она могла рассказать нам всем одновременно?

Сводит живот, и внезапно подкатывает тошнота. Мама – это все, что у меня есть. Не могу же я еще и ее потерять.

Но затем она ухмыляется, и, когда она начинает говорить, я вздыхаю с облегчением.

– Фил, – говорит она с интонацией, которую я прежде никогда не слышала. Она кладет ладонь ему на руку. – Знаю, мы встречаемся всего одиннадцать месяцев, но для меня это лучшие месяцы за очень, очень долгое время.

– И для меня тоже, – говорит он. Его темное морщинистое лицо расплывается в улыбке. Он как будто знает, к чему все идет, и я, кажется, тоже. Наверняка она предложит ему съехаться. Странно, что это происходит на публике, но мама всегда все делает по-своему. «Такая уж она – Лианна», – говорил мой папа, пожимая плечами, когда она готовила суп в блендере, а затем грела его в микроволновке, или настаивала на том, чтобы мы вырезали тыквенные фонари для Хэллоуина в начале сентября.

– После смерти Дэна я думала, что второго шанса уже не будет. Я думала, что нашла своего человека, а теперь его больше нет и все кончено. Но ты всегда меня выручал, так ведь? Всегда сидел рядом, играл на скрипке. Сначала я влюбилась в твою музыку, а потом и в тебя. Ты, как и я, прекрасно знаешь, что горе никогда не проходит полностью, но ты дал мне возможность понять, что любовь может идти с ним рука об руку. Я больше не хочу жить отдельно. Поэтому... – Тут она делает паузу и выдыхает. – Филип Аделеке, ты женишься на мне?

В комнате воцаряется мертвая тишина; все глаза прикованы к нашему столику и наблюдают за предложением. Мое сердце колотится сильнее, чем перед прямым эфиром, и краем глаза я вижу, как Ти Джей сжимает руку Амины в своей.

Фил вскакивает с места так быстро, что опрокидывает еще один стакан воды, – может быть, они действительно созданы друг для друга.

– Да, Лианна, да, – отвечает он. – Я так сильно тебя люблю. Да, да, да.

Когда они целуются, ресторан взрывается аплодисментами. Официант приносит бокалы шампанского. Амина смахивает слезы и спрашивает, знала ли я, что это произойдет, знала ли, что мама планирует это сделать. Нет, отвечаю я, не знала.

Я заставляю себя встать с места, чтобы поздравить их: маму и... отчима? Во мне бушует слишком много чувств, и лишь некоторым из них я могу дать название. Конечно же я счастлива за них. Я хочу, чтобы мама была счастлива. Она заслуживает этого.

Просто я так много лет провела в убеждении, что никто не сможет заменить мне отца, что и представить не могла себе подобное.

Амина засыпает их вопросами о свадьбе. Оказывается, Фил планировал сделать маме предложение в эти выходные, но она его опередила, потому что хэштег «феминизм». Хотим сыграть свадьбу как можно скорее, говорят они. Само собой, на приеме выступит квартет из оркестра.

Наконец Фил умыкает маму из ресторана, чтобы «отпраздновать» (как будто мы все не понимаем, что это значит), оставив Амину, Ти Джея и меня допивать шампанское.

– Лианна Голдстейн – моя героиня, – говорит Амина. – Поверить не могу, что мы только что были свидетелями такого события.

Хотела бы и я так сказать: что Лианна Голдстейн – моя героиня, ведь она заслуживает этого за то, что так много сделала. За то, что дала мне время, чтобы осмыслить смерть папы наедине с собственным терапевтом, а затем вместе со мной ходила на семейные консультации. За то, что убедила меня, что мы все еще *можем* быть семьей, пускай нас и осталось всего двое. Маленькая, но крепкая, говорила она. Она всегда знала, что я буду работать на радио, хотя до сих пор шутит, что я могла бы, по крайней мере, пойти на компромисс и найти работу на станции классической музыки.

– Ты в порядке? – спрашивает Ти Джей, когда мы собираемся. Он прячет светлые волосы под вязаную шапочку. – Я знаю, это странно. Мои родители тоже нашли себе новых партнеров и поженились, и чтобы привыкнуть к такому, определенно нужно время.

– Никогда бы не подумала, что попаду на свадьбу своей матери прежде, чем на собственную. – В моей голове эта фраза звучит как шутка. Но когда я ее произношу, мне совсем не смешно.

Амина сжимает мою руку.

– Это сложно переварить с ходу. Не торопись и попытайся все осмыслить, хорошо?

Я киваю.

– Удачи на собеседовании, – говорю я, копаясь в сумке в поисках ключей, когда мы выходим в прохладную сизтлскую ночь. В доме будет так тихо, когда я вернусь. В нем всегда тихо. – Уверена, что не хочешь заглянуть и посмотреть какой-нибудь ужасный сериал?

– Шай. Я люблю тебя, но пора научиться жить одной в собственном доме. Мне что, опять проверить, нет ли под твоей кроватью монстров?

– Не откажусь.

Амина качает головой.

– Заведи собаку.

* * *

Зайдя домой, я тут же везде включаю свет и включаю новый выпуск любимого комедийного подкаста. Уже почти девять; я слишком долго не проверяла почту, хотя и глянула ее пару раз, пока бегала в туалет. (Но этого было достаточно, чтобы мама поинтересовалась, все ли со

мною в порядке – малость неловко осознавать, что мать взрослой женщины озабочена состоянием ее кишечника.)

Я завариваю чай и устраиваюсь на диване с рабочим ноутбуком. Мне правда нравится помогать другим рассказывать истории, а не рассказывать их самой. У Паломы это получается лучше, чем когда-либо получалось у меня. Хотя мы и не всегда рассказываем истории, которые предпочитаю я – масштабные эпопеи о человеческом опыте, которые можно услышать лишь на станциях с большим бюджетом. Но что, если под «*мне нравится*» я на самом деле имею в виду «*я довольствуюсь*»?

Предпочитаю об этом не думать.

После смерти отца я искала утешения везде, где могла. Я покуривала травку с Аминой, переспала на первом курсе с красавчиком, жившим в комнате напротив, и однажды так сильно перепила, что навсегда усвоила, сколько алкоголя может вынести мое тело. Со мной не случилось чего-то чрезмерно нездорового; я не собиралась слетать с катушек, но мне хотелось подобраться поближе к краю и узнать, что находится по ту сторону.

Единственное, что помогло мне вернуться к себе, – моя стажировка на ТОР. И тогда я поняла, что выход – не в импульсивности, а в постоянстве. Радио всегда давало мне возможность почувствовать себя ближе к отцу. Я собиралась найти стабильную работу, дом в безопасном районе и преданного парня, который однажды стал бы моим мужем. Амина осталась бы лучшей подружкой, а мама – незамужней. За исключением моей любовной жизни, все остальное шло по плану.

Но вот то, что Фил станет моим отчимом, изменит очень многое.

А как показывает практика, перемены не мой конек.

Покупка дома всегда была у меня в планах и должна была стать громадным достижением. Я живу в нем уже шесть месяцев, но обречена на то, чтобы бесконечно *осваивать* его. Я часами ковыряюсь в антикварных лавках в поисках искусства, а в итоге покупаю какой-нибудь абстрактный ширпотреб в «Таргет», или наношу на стены гостиной десяток образцов краски, а затем понимаю, что ни один из них не подходит в полной мере, но так устаю, что уже не могу их закрасить. По большей части я готовлю блюда из готовых ингредиентов, которые появляются у меня на крыльце дважды в неделю.

Каждый раз, когда я представляла себе взрослую жизнь, она выглядела совсем иначе. У всех важных для меня людей есть свой человек. У меня же есть только пустой дом и якобы любимая работа, которая не всегда отвечает мне взаимностью.

Вопреки здравому смыслу я переслушиваю сегодняшнюю передачу. Я всегда делала это, когда только начинала, пытаясь избавиться от недочетов, но уже давно этим не занималась. Я слушаю ответы Доминика снова и снова, пытаюсь понять, что конкретно так привлекло слушателей. Ему требуется несколько минут, чтобы обрести уверенность; модуляция его голоса меняется, речь становится более плавной – сливочный крем в пирожном «красный бархат». А ведь он не робот, как мне казалось, прежде чем я услышала его в эфире. «*Он как будто не хотел, чтобы о его нелегальной деятельности узнали другие*», – говорит он с таким деланным удивлением, что я невольно улыбаюсь. Он отвечает на вопросы слушателей так, словно его по-настоящему волнуют их проблемы, и даже когда он не знает ответ, он делает все, чтобы убедить их, что сумеет найти его.

Хотя мне и обидно это признавать, эфир Доминика Юна на «Звуках Пьюджет» – хороший материал.

Даже папа согласился бы.

3

– Экстренное совещание, – объявляет Кент О’Грэйди следующим утром, прежде чем я успеваю расстегнуть пальто. – В конференц-зале. Через пять минут. Только старший персонал.

Я никогда не обладала достаточным статусом, чтобы попасть на экстренное совещание ТОР. Однако пару месяцев назад начальство повысило меня и сделало маленькую надбавку к зарплате. Немного тревожно оттого, что галстук с узором на манер М. К. Эшера⁸ подозрительно изогнулся на груди Кента, словно тот уже успел так замотаться, что не заметил этого, но все равно приятно оказаться на важном совещании.

Я вешаю пальто на крючок возле рабочего стола и достаю ноутбук, телефон и блокнот из большой курьерской сумки. На экране телефона появляется уведомление от одного из дейтинг-приложений, которое мне так и не хватило духу удалить.

Мы скучаем! 27 мэтчей ждут тебя.

Я смахиваю оповещение и переносу приложение в корзину. Вот и вся моя личная жизнь: «Тиндер» и «Бамбл» изо всех сил пытаются вновь снискать мое расположение.

В нашем ньюсруме открытая планировка, а офисы предназначены лишь для самых старших из старших сотрудников. Пространство усеяно пустыми кофейными чашками, которые сегодня определенно нужно сложить в посудомойку. Сотрудники по очереди дежурят на кухне, но в течение двух первых лет на ТОР я почему-то задерживалась каждую пятницу, чтобы все отдраить. Тогда я думала, что просто занимаюсь тем, чем должна, будучи новичком, но я ни разу не видела фамилию Гриффина, стажера на «Звуках Пьюджет», в расписании, которое наш офис-менеджер составляет каждую неделю. В любом случае, этот вопрос никогда не казался мне настолько важным, чтобы выносить его на обсуждение с отделом кадров.

На столе у меня хитроумная система файлов с планами предыдущих выпусков, а возле компьютера висит постер «ПодКона», подписанный ведущими моего любимого подкаста о кино. «ПодКон» – ежегодный фестиваль радио и подкастинга и просто-напросто лучшее гик-мероприятие на свете. Мне удалось попасть туда пару лет назад, когда «ПодКон» проводили в Сиэтле, и хотя выступить на нем – моя давняя мечта, очевидно, что локальному радио сложно выйти на национальный уровень.

За столом напротив Палома добавляет семена льна и чиа в исландский йогурт. Она каждое утро приходит ровно в восемь и уходит ровно в четыре, сразу после того, как мы завершаем разбор дневной передачи.

– Экстренное совещание? – спрашиваю я у нее. Мы приостановили набор сотрудников; Доминик – последний, кого мы взяли перед этим. Интересно, связано ли совещание с финансовыми проблемами?

Палома размешивает йогурт.

– Кент просто драматизирует. Ты же знаешь, он любит интригу. Наверное, будет кампания для сбора средств или что-нибудь в этом духе. – Палома работает здесь уже больше двадцати лет; если она не волнуется, то, наверное, и у меня нет причин для опасений. – У тебя случайно не завалялись семена чиа? Мои кончились.

И хотя я в жизни своей не съела ни одного семени чиа, я открываю ящик стола и извлекаю оттуда полный мешок.

Вот как работает хороший продюсер. Я научила себя предугадывать любые желания Паломы. Если ведущий чем-то недоволен, то передача провалится. Палома – это причина, по которой люди обожают «Звуки Пьюджет», а я – причина, по которой Палома всегда на высоте.

⁸ Нидерландский художник-график, самый яркий представитель имп-арта. (Прим. ред.)

– Ты ягодка, – говорит она, указывая на йогурт, – в буквальном смысле. Что бы я без тебя делала?

– Ела бы отстойный йогурт.

Раньше она вызывала у меня священный ужас. Я выросла на ее утренних новостях, поэтому, встретившись с ней в первый день своей стажировки, подавилась словами, не в силах поверить, что она настоящая. «Звуки Пьюджет» – это целиком ее детище, а ведь даже сегодня среди ведущих на общественном радио не так уж много женщин – тем более лесбиянок.

Паломе чуть меньше пятидесяти, и у нее нет детей; каждое лето она проводит в удаленном месте, название которого скрывает, вместе со своей женой – профессоршей искусствоведения – и возвращается с историями о том, как они потерялись, остались без провианта или чудом спаслись от дикого зверя. Однако в обычной жизни она работает по такому специфическому расписанию, что, уйди я с работы, кому-то новому потребовалось бы несколько недель, чтобы привыкнуть ко всем ее причудам.

Палома поправляет свою сине-зеленую вязаную шаль и идет с йогуртом по коридору в конференц-зал, где тут же становится ясно, что Дела Очень Плохи. Все сидят нахмурившись, и никто не смотрит в телефон. Даже по обыкновению бодрые жаворонки чуть менее бодры, чем обычно.

Палома, может быть, и не волнуется, но я топчусь на входе, внезапно охваченная страхом («Где мне сесть?»), хорошо знакомым по школе, когда мы с Аминой пообедали в разное время. На совещании старшего персонала я все еще чувствую себя так, словно обманом проникла в какой-то частный клуб.

Высокая фигура в небесно-голубой полосатой рубашке приближается с другого конца коридора, и я сильнее сжимаю свой блокнот. Сегодня Доминик в джинсах – как непохоже на него. Они идеально отутюжены, ни складочки. Есть еще одна причина, по которой его рост так раздражает: не будь он гигантом, мне было бы удобнее смотреть ему прямо в глаза, вместо того чтобы рассматривать, в каких он сегодня брюках.

– Только старший персонал, – говорю ему я, растянув губы в улыбке, полной фальшивого сочувствия. Хоть где-то мне место, а ему – нет. – Прости.

– Дом! Входи, – говорит Кент, сидящий во главе стола, махая ему рукой.

И как ни в чем не бывало он проскальзывает мимо меня с полным термосом кофе, уже посвященный в клуб, куда я пыталась попасть годами. Надеюсь, он обожжется этим кофе.

– Блестящий репортаж, – говорит старший редактор Пол Вагнер. – Слыхали, мэр после этого подал в отставку? – Он низко присвистывает.

– Спасибо, Пол, – говорит Доминик, пробегая свободной рукой по волосам, чуть менее аккуратно уложенным, чем обычно. – Стоило того, чтобы приехать сюда в пять утра, это точно.

А. Так вот оно что.

Пол от души смеется.

– Да уж, новости не дремлют.

Обычно я слушаю ТОР по дороге на работу, но сегодня утром дослушивала подкаст. Из-за расследования Доминика мэр ушел в отставку. Неудивительно, что ему достался золотой билет на это совещание. Однако это не мешает мне кипеть от гнева.

Я сажусь рядом с Паломой и открываю свой блокнот на чистой странице. «Экстренное совещание», – пишу я сверху, почувствовав себя менее важной с приходом Доминика.

– Доброе утро, – ревет Кент, когда все одиннадцать присутствующих усаживаются на свои места. – Всегда приятно видеть улыбающиеся лица в столь раннее время. – Эшеровский узор его галстука гипнотизирует; иногда я забываю, насколько внушительным он бывает перед коллективом. Он как герой Роба Лоу в «Парках и зонах отдыха» – позитивный до зубного скрежета. – Шай, можно тебя попросить все записывать? Ты так хорошо подмечаешь детали.

– О... без проблем, – говорю я, зачеркивая слова «Экстренное совещание», и перелистываю новую страницу, чтобы написать их аккуратнее. Не ожидала, что мне найдут применение на первом же старшем собрании, но стоит признать: я действительно хорошо подмечаю детали. И не буду же я спорить с Кентом после комплимента.

– Сперва, – продолжает Кент, – мне бы хотелось поздравить Доминика со вчерашним репортажем – и во время прямого эфира на «Звуках Пьюджет», и вечером, когда он следил за развитием событий.

Я борюсь с желанием закатить глаза и, как исполнитель, решаю не включать эту деталь в отчет. Доминик вроде бы пытается быть скромным – даже слегка розовеет, прежде чем поднять руку, как бы напоминая нам, кто он такой.

– Ближе к делу, Кент, – говорит Изабель Фернандес, продюсер утренних новостей. Мы всегда были скорее хорошими знакомыми, нежели друзьями, но в этот момент я ее обожаю. – Мы планируем кампанию по сбору средств, или что?

– У нас же она только что закончилась? – спрашивает Марлен Харрисон-Йейтс.

– Вечно мы то планируем новую, то завершаем старую, – бормочет Палома рядом, и я стараюсь не засмеяться, ведь в этом есть доля правды.

– Нет-нет, ничего подобного. Скажем так... – Кент прочищает горло, поправляет стопку бумаг. – Мы меняем программную сетку.

Вот это знатный эвфемизм!

– Пожалуйста, не ставь меня снова на утро, – говорит Палома.

– А я не хочу работать днем, – говорит наш утренний ведущий Майк Руссо.

– Дайте ему закончить, – говорю я, и благодарная улыбка Кента немного успокаивает мой сжавшийся желудок.

– Вместе с советом директоров мы пришли к выводу... что нам нужна новая передача.

В комнате воцаряется хаос. Доминик, сидящий напротив, ловит мой взгляд, и одна из его темных бровей вопросительно изгибается. Я не понимаю, почему мы постоянно встречаемся взглядами, хотя я провожу большую часть каждого рабочего дня в надежде, что мы никак не пересечемся. Я резко перевожу взгляд на заметки.

– У нас есть утренняя, дневная и вечерняя передачи, – говорит Кент. – И, судя по обратной связи, все они слишком похожи друг на друга. – Он нажимает на кнопку, и на экране появляется несколько разноцветных диаграмм. – Слушатели больше не соотносят себя с ведущими, как это было прежде, как это происходит на национальном уровне или в случае с по-настоящему популярными подкастами.

– Пардон, – надменно говорит Палома, – но «Звуки Пьюджет» – это совсем не то же самое, что «В данный момент».

– Мы же не можем сделать комика ведущим утренних новостей, – говорит Изабель.

Но в словах Кента есть доля истины. Будучи членом НОР, наша станция сама выстраивает сетку передач, и мы можем транслировать любые национальные программы. Разумеется, у них больше слушателей, чем у локальных. У них большая узнаваемость – вот почему я не перестаю твердить Доминику, что любые попытки заинтересовать слушателей в местных новостях обречены на провал.

– Но если мы запустим новый проект, нам придется отказаться от одной из прежних флагманских передач? – спрашивает Майк.

Кент качает головой.

– Не торопитесь с выводами. Эта встреча просто для обмена идеями.

Мозговые штурмы с участием продюсеров, ведущих и журналистов обычно выглядят следующим образом: ведущие и журналисты берут дело в свои руки, а продюсеры помалкивают. Нелегко высказаться в комнате, полной людей, зарабатывающих деньги разговорами.

– А как насчет круглых столов? – спрашивает Доминик. – Можно каждую неделю приглашать местных политиков и других общественных лидеров, чтобы они рассказывали нам о своей работе.

Чуть не всхрапнула.

Боже храни Изабель, которая затыкает его, – я подчеркиваю ее слова в заметках.

– Мы это пробовали пятнадцать лет назад. Сколько нам удалось продержаться? Пару месяцев?

– Тогда рынок был совсем другим, – возражает Доминик.

– Именно. Тогда было проще. – Изабель тычет в диаграмму, которая показывает, как сокращалась аудитория «Звуков Пьюджет» на протяжении последних лет. Это неутешительная диаграмма – у «Звуков» самое стабильное падение в популярности среди флагманских передач. – Теперь у всех и каждого есть собственный подкаст – даже у малолеток. Конкуренция непомерная. Выделиться невозможно.

– Может быть, что-то об окружающей среде, – предлагает Марлен. – На северо-западе все беспокоятся об экологии. Каждый эфир можно уделять небольшим мерам, которые люди могут предпринять, чтобы снизить свой углеродный след. У меня уже есть в запасе много материалов об осознанном фермерстве.

– Мы думаем слишком узко, – говорит Кент. – Мы и так чрезмерно локальны.

Майк предлагает кулинарную передачу, а Пол – передачу о сторителлинге – отличная, на мой взгляд, идея. Но Кент возражает, что это слишком похоже на подкаст «Мотылек» – наверное, поэтому мне и понравилось предложение. Доминик вбрасывает еще пару идей, которые, на удивление, звучат даже скучнее, чем первая. Настоящий триумф.

– А как насчет дейтинг-шоу? – бормочу я, обращаясь не столько к коллективу, сколько к пуговице на вельветовой юбке, решив, что никто не обратит внимания на самого низкорослого старшего продюсера ТОР. Этого еще никто не предлагал, но идея не покидает меня после помолвки мамы и настойчивых попыток моего телефона напомнить о том, что я ни с кем не встречаюсь.

Однако меня слышит Марлен.

– Общественное радио старается туда не лезть. И на то есть веская причина: правила Комиссии по связи. Любые пикантные подробности – под запретом.

– Мы вполне можем сделать передачу о дейтинге, не взбесив ФКС, – защищает меня Палома, и я чувствую прилив гордости. – В прошлом году мы записали блок о репродуктивном здоровье и блок о половом воспитании в старших школах.

– Да! – говорит Изабель. – Но нужно что-то новое. Свежее.

Доминик закатывает глаза так сильно, что я беспокоюсь за его зрение. Разумеется, дейтинг-шоу не вписывается в представления магистра журналистики о том, каким должно быть общественное радио.

– Как насчет дейтинг-шоу, которое ведет парочка? – спрашивает Палома.

– Уже было, – говорит Кент. – Примерно десяток раз на десятке других подкастов.

– Дейтинг-шоу, которое ведут бывшие, – полусхоту говорю я.

Комната затихает.

– Продолжай, – говорит Палома. – Дейтинг-шоу, которое ведут бывшие?

У меня и в мыслях не было, чтобы это прозвучало захватывающе, – это лишь потенциальная вариация на тему дейтинг-шоу. Но, может быть, это и впрямь неплохая идея.

– Э-э-э, – говорю я, чувствуя, как кровь приливает к лицу – это всегда происходит со мной, когда я оказываюсь в центре внимания. В комнате, полной знакомых мне людей, людей с невероятными голосами, я зациклена на собственном голосе сильнее, чем когда-либо. Он такой высокий и гнусавый, хуже обычного. Эти люди не говорят «э» или «ну». Не спотыкаются о слова.

Доминик буравит меня взглядом, словно бегущую строку на кабельном телевидении. Даже когда он сидит, его поза такая напряженная, а изгиб плеч такой острый, что после работы его мышцы, должно быть, болят каждый день. Уже не первый раз мне хочется, чтобы он не садился напротив меня.

– Что ж. – Отличное начало. Я прочищаю горло. Это то же самое, что предлагать своей команде темы для блоков во время еженедельных питчингов. Я справлюсь. Они все слышали мой голос. Всем пофиг – а если и нет, то не станут же они при мне отпускать ехидные шуточки. – Дейтинг-шоу, которое ведут бывшие – так... так оно, в общем, и есть. Мы посвятим слушателей в их отношения, в историю их знакомства и расставания. Мы познакомим слушателей с двумя друзьями, ведущими, теми, кем они стали после расставания. Одну половину эфира можно уделить какой-нибудь истории, а вторую – образовательной информации. В каждом выпуске они могли бы рассказывать о своем прошлом, а также изучать тренды дейтинг-культуры, брать интервью у экспертов или даже проводить консультации в прямом эфире, чтобы понять, что пошло не так в отношениях слушателей.

Когда я слышу себя в этот момент, я, к собственному удивлению, понимаю, что мне действительно хотелось бы это послушать. Зачастую общественное радио избегает развлекательного контента, но даже мой папа получил бы удовольствие от подобного – от чего-то среднего между «Этой американской жизнью» и «Современной любовью». Мы могли бы в прямом эфире обсудить впечатления обеих сторон после свидания через «Тиндер» или пообщаться с тем, кто загостил⁹ кого-то.

И тут я заставляю себя остановиться. В голове я уже использую слово «мы», словно продюсер этой передачи. Она уже сложилась у меня в голове.

– Как уже сказал Кент, существует множество передач об отношениях, многие из которых ведут парочки, – говорю я уже более уверенно. Мои коллеги – другие старшие сотрудники, а также Доминик – все еще слушают – *меня*. – Но... что, если мы попытаемся выяснить, почему именно не сложились отношения, взяв двух бывших в качестве ведущих и изучив их проблемы? Ведь именно это люди и хотят узнать? Что они сделали не так?

Это вопрос, которым я задавалась много раз. Я разрешаю себе ухмыльнуться и откинуться в кресле.

– Очень даже ничего, – говорит репортер Жаклин Гийомон, когда болтовня в комнате стихает. – Я бы такое послушала.

– Это необычно, – говорит Майк, – но, надо сказать, мне нравится ход мысли Шай. Может быть, именно это нам и нужно – что-то эдакое.

– Нам нужны двое бывших в качестве ведущих, – говорит Изабель, – но с этим-то мы уж, наверное, справимся?

Палома протягивает руку и черкает в моем блокноте: «Отличная работа»; я чувствую, как свечусь изнутри.

– Я извиняюсь, но это не сработает, – говорит Доминик, протыкая пузырь моей гордости. Между бровями у него появляется складка.

– Это еще почему? – Я так сосредоточена на нем, на внезапном желании *с силой* надавить ему большим пальцем на эту складку, что не замечаю, как Палома, сидящая рядом, скребет по доньшку йогурта. Единственный раз, когда я набираюсь смелости высказаться на собрании – собрании, на котором его вообще быть не должно, – и он уничтожает мою идею.

– Это не то чтобы новаторская журналистика.

– А с каких это пор все должно быть новаторским? Передача растормошит людей, может привлечь аудиторию вне нашего привычного охвата. Может быть, благодаря ей даже увели-

⁹ *Гостинг* (от *англ.* ghosting; ghost «призрак») – это резкое прекращение каких-либо отношений без предупреждения и объяснения причин. (Википедия.)

чится размер пожертвований для станции. – Я смотрю прямо на Кента, когда говорю это. – Не можем же мы каждый день свергать мэров.

– Нет, но должны проявлять хоть немного уважения, – говорит Доминик. Он выплевывает последнее слово, наклонившись вперед и впившись в край стола. – Бывшие, которые выясняют между собой, почему они расстались? И дают советы об отношениях? – Он усмехается. – Больше похоже на материал для спутникового или, боже упаси, коммерческого радио. Звучит... *пошло*.

– А разоблачение подробностей из личной жизни мэра – не пошло?

– Во имя новостей – нет.

Присутствующие, как ни странно, захвачены происходящим. Непривычно тихий Кент что-то черкает в блокноте. Я никогда не видела, чтобы на совещании так спорили – уверена, он нам этого так просто не спустит. Но пока он не против, я продолжаю.

– Ты думаешь, что общественное радио существует только ради новостей, но это не так, – говорю я, сжимая ручку изо всех сил. Я представляю, как колпачок отлетает и забрызгивает его грудь чернилами, уничтожая рубашку, которую он, должно быть, так тщательно выбирал сегодня утром. Чернила капая вниз по голубым полоскам на его джинсы. – Этим оно и прекрасно. Радио бывает не только образовательным, но и душещипательным, захватывающим или попросту *веселым*. Мы не просто преподносим факты – мы рассказываем истории. Поработал здесь четыре месяца и решил, что знаешь сферу вдоль и поперек?

– Ну, у меня же есть степень по журналистике Северо-Западного. – Он произносит название своего университета с такой небрежностью, словно попасть туда не составляет особого труда и не стоит шестьдесят тысяч. – Так что, полагаю, диплом, висящий у меня над столом, дает мне право судить.

Наконец Кент поднимает руку, указывая нам поостыть.

– Много пищи для размышлений, – говорит он, а затем двумя словами заставляет меня утратить всякую надежду: – Еще идеи?

Спустя двадцать минут Кент завершает совещание, сделав все возможное, чтобы вселить в нас уверенность в том, что станции ничего не грозит.

– Все на ранней стадии, – говорит он. – Мы еще ничего не меняем в расписании.

И все же сложно не заметить легкий налет тревоги, сквозящий в болтовне моих коллег, когда они покидают зал с кружками остывшего кофе. Я задерживаюсь, пока не остаюсь в комнате одна, надеясь избежать Доминика. К несчастью, он ждет меня в коридоре, готовый наброситься.

– Иисусе, – говорю я, прижимая блокнот к скачущему сердцу, когда он застает меня врасплох. – Ты что, еще не закончил учить меня работе, которой я занимаюсь десять лет?

Между бровями вновь возникает складка; он выглядит чуть мягче, чем на совещании.

– Шай, я...

– Дом! Шай! – встревает Кент. Это немного раздражает – на мгновение мне показалось, что Доминик собирается извиниться.

Но это так же вероятно, как то, что Терри Гросс¹⁰ уйдет со «Свежего воздуха».

– Кент, – говорю я, приготовив собственное извинение. – Прошу прощения за то, что произошло на совещании. Ситуация вышла из-под контроля.

Все, что он говорит в ответ, это:

– У меня сейчас несколько встреч, но я хочу поговорить с вами в конце дня. Заглянете ко мне в кабинет в полшестого? Вот и славно. – Он разворачивается и уходит по коридору, оставив меня наедине с Домиником.

¹⁰ Терри Гросс (р. 1951) – американская радиоведущая, известная по ток-шоу «Свежий воздух», которое идет с 1975 года.

– А мне нужно записать интервью. – Он слегка улыбается, но быстро возвращается к своему демоническому Я и добавляет: – Комната А. Если тебе интересно.

4

Офис Кента – настоящий храм общественного радио. На стенах развешаны фото, где Кент пожимает руки каждой знаменитости НОР, и ряды обрамленных дипломов, а на полке расположились старинные приборы для звукозаписи.

Я весь день была занята. Рути, изголодавшейся по сплетням после утренних шепотков, все-таки удалось затащить меня в звуковую комнату перед обедом. Я рассказала ей об экстренном совещании и – с некоторой неохотой после спора с Домиником – о своей идее.

Ее глаза расширились за стеклами прозрачных очков.

– Передаче вроде этой только и нужно, что запоминающееся название – например... «*Экс-каст*» или «*Экс-просвет*».

Я фыркнула, но мне сразу очень понравилось.

– Как секс-просвет?

– Ага. Или для НОР это немного чересчур?

– Может быть, – сказала я, но, честно говоря, я понятия не имела. К тому же это всего лишь идея, которую я вбросила во время мозгового штурма, и она вряд ли к чему-нибудь приведет. Общественное радио не слишком-то открыто инновациям.

Когда мы садимся в кресла у стола Кента, он отходит заварить чай. Доминик встает и начинает ходить туда-сюда.

– У меня из-за тебя кружится голова, – говорю я ему.

– А ты не смотри. – И все же он останавливается – прямо перед фото очень молодого Кента, зажатого между Томом и Рэем Мальоцци – ведущими «*Разговоров о тачках*». Разумеется, он прислоняется к стене. *Да поняли мы уже, что ты высокий.* – Волнуешься?

Я пожимаю плечами, не желая признавать, как неловко мне находиться на этой встрече. Никогда не знаешь, чего ожидать от Кента. Когда-то он меня немного напрягал, и хотя мы отнюдь не друзья, нам всегда удавалось ладить. Или, по крайней мере, я всегда делала именно то, чего он от меня хотел, и нам никогда не приходилось взаимодействовать сверх меры. По его просьбе я брала дополнительные смены во время кампаний, и хотя я имела полное право требовать у него сверхурочные, я никогда этого не делала, даже когда работала допоздна. Со временем эти поздние смены превратились в привычку, от которой я не могу избавиться.

– Я работаю здесь уже почти десять лет. Больше не волнуюсь.

– Десять лет – и по-прежнему занимаешься одним и тем же, – говорит он. – Тебе не скучно?

– Ну, слава богу, есть ты, чтобы я не могла заскучать. Очень весело в последний момент звонить гостю и говорить, что все переносится, хотя ее приглашали за несколько месяцев до эфира и она была вынуждена отменить собственные важные дела.

– О, – произносит он так, словно эта мысль и впрямь ни разу не приходила ему в голову. – Я не знал. Блин. Мне жаль. Она расстроилась?

– Мне удалось сгладить острые углы, – говорю я, пораженная его реакцией. Неужели он днем правда хотел извиниться? – В следующем месяце мы посвятим поведению животных целый эфир, чтобы искупить вину. И прежде чем ты скажешь что-нибудь по этому поводу – да, я знаю, это не новости, но такие передачи очень популярны. Особенно во время кампаний по сбору средств.

Он выставляет ладони.

– Я ничего не собирался говорить. Вообще-то в магистратуре нас учили тому, как правильно унижаться, если взбесил человека, у которого берешь интервью.

Я медлю с ответом.

– Подожди, ты серьезно?

Затем его броня дает трещину, и он издает смешок. Острое, хриплое «ха», которое пустило бы помехи, произнеси он его в микрофон. Количество раз, когда я слышала смех Доминика за последние четыре месяца: меньше десяти. Видимо, новостям запрещено быть смешными.

– Нет, но на секунду ты явно мне поверила.

Хм. Редкий момент, когда он видит себя со стороны. Но осознает ли он, что упоминает магистратуру при каждом удобном случае?

Появляется Кент с дымящейся кружкой чая.

– Шай, Дом, – говорит он, кивая нам по очереди.

Доминик проскальзывает в кресло рядом со мной, и в этот момент я замечаю, как близко мы сидим – между нами не больше тридцати сантиметров. Его ноги такие длинные, что колени упираются в стол Кента, и я чувствую запах его одеколона. Морская соль и что-то еще – шалфей?

Отодвигать кресло – как-то неловко. Придется страдать.

Кент делает медленный глоток и на мгновение закрывает глаза, смакуя чай. Когда он открывает их, его лицо расплывается в ухмылке, что приводит меня в глубокое замешательство.

– Все так очевидно, – говорит он. – Прямо у нас перед носом. – Он делает еще один глоток, а затем сжимает губы. – Все гениальное – просто.

– Вы о чем? – спрашивает Доминик с ноткой раздражения в голосе. Она едва слышна, но она есть.

– Вы двое. Ведущие на передаче Шай.

Наступает короткая пауза, а затем мы оба взрываемся смехом. Заявление Кента – абсолютная нелепица, и тем не менее он произносит его как ни в чем не бывало. Мое сердце подпрыгивает на слове «ведущие», но это, должно быть, шутка. Наверное, он имел в виду «продюсеры».

Я украдкой смотрю на Доминика и, кажется, впервые вижу его по-настоящему озадаченным. Обычно он такой серьезный и стоический – стопроцентно объективный репортер. В этом новом выражении его лица есть некая открытость.

– Даже не знаю, с чего начать, – говорит Доминик между смешками – должна признать, он с ними немного перебарщивает. Не настолько же задумка Кента смешная, чтобы *вот так* ржать над ней? – Это ведь шутка?

– Вовсе нет, – говорит Кент; не исключено, что все присутствующие сошли с ума. – Что думаете?

– Ну, помимо очевидного – того, что Шай никогда не была ведущей... мы не встречались, – говорит Доминик, и хотя это меня слегка задевает, он абсолютно прав. В предложении Кента тысяча и один недочет, и, несмотря на то что тема передачи мне близка, я не ведущая. У меня нет нужной подготовки, нужного опыта или нужного *голоса*.

– Ты тоже никогда не был ведущим, – уточняю я.

– Но я выходил в прямой эфир.

Я не хочу препираться с Домиником перед Кентом, но его самодовольство меня поражает.

– Ты же вчера впервые вышел в прямой эфир? – Я издевательски ему аплодирую. – Должно быть, ты все узнал о журналистике во время магистратуры, длиной в год, а потом – все о прямых эфирах во время часового шоу. Отменно, ничего не скажешь.

Ухмылка Кента вселяет в меня ужас.

– Видите? Это оно. То, о чем я говорю. То... что есть между вами. Завораживает. Я наблюдаю за тем, как вы ведете себя в ньюсруме. Да, знаю, я много времени провожу у себя в кабинете, но я наблюдателен. Между вами потрясающая химия, естественный конфликт.

Доминик горит только новостями и неопровержимыми фактами, а тебе, Шай, нравятся материалы помягче, почеловечнее.

Мне совсем не нравится его *«помягче»* – оно будто намекает, что мне по душе все, что более женственно.

– Слушатели смогут встать на ту или иную сторону, – продолжает Кент. – На сторону Дома или на сторону Шай. Можно внедрить хэштеги, подзаработать на соцсетях.

– Но я журналист, – говорит Доминик, – и весьма неплохой, судя по тому, что произошло в последние дни.

– Но я знаю, что ты также можешь рассказывать и о человеческом опыте, – говорит Кент. – То личное эссе, что ты написал в университете, – мы все прочли его, когда ты подавал сюда резюме. Оно было захватывающим и, более того, *трогательным*.

Должно быть, он имеет в виду самую обласканную статью Доминика – историю о путешествии в Южную Корею, во время которого он впервые встретился со своими бабушкой и дедушкой. В отличие от всех остальных в ньюсруме, я не заплакала, но держала под рукой коробку с салфетками. На всякий случай.

– Думаю, мы игнорируем самую очевидную проблему, – говорю я немного жестче, чем стоило бы в разговоре с начальником, но, с другой стороны, я никогда не обсуждала с начальником подробности своей любовной (скорее безлюбовной) жизни. Это даже на правду не похоже. – Мы с Домиником никогда не встречались. У нас не было никаких отношений.

Кент машет рукой.

– Вы никогда не распространяетесь о своей личной жизни на работе, и я это, само собой, ценю. Отдел кадров тоже. Но поверьте мне, никто из вашего окружения не удивится, если услышит, что вы пережили расставание. Особенно после того, что сегодня произошло в конференц-зале.

– Не уверена, что понимаю, к чему вы клоните.

– Мы придумаем отношения, – говорит Кент, словно это так просто. – Мы придумаем расставание. А затем мы создадим передачу.

Молчание. Снова.

Все это не укладывается у меня в голове. Кусочки на месте, но они словно взяты из разных пазлов. Кент хочет, чтобы мы разыграли отношения – нет, чтобы мы *притворились, что они у нас были*. Мой шеф, радиолегенда Сиэтла Кент О'Грэйди, хочет, чтобы мы притворились, что встречались, а затем обсудили дейтинг-культуру в прямом эфире общественного радио.

Кто-то хочет, чтобы мой голос прозвучал по радио.

– То есть мы должны солгать. – Доминик скрещивает руки на груди. Его рукава снова закатаны, обнажая жилистые предплечья. Он кивает в сторону стены с наградами. – Добившись всего этого, вы хотите, чтобы мы солгали.

– Я должен держать станцию на плаву, – говорит Кент. – Нам нужно хитовое шоу – и как можно скорее. Всем по барабану известные ведущие. Слушатели хотят свежей крови, и вы двое можете ею стать. – Он постукивает по столу, разделяющему нас. – У нас нет ни денег, ни времени на то, чтобы подготовить двух новых ведущих или чтобы привлечь чьего-либо бывшего партнера. Между вами есть химия. И все мы здесь, чтобы рассказывать истории, верно? Так давайте же поведаем лучшую историю о расставании. Мы не солжем – просто слегка украсим правду.

Истории. Ложь. Граница между ними весьма размыта.

– Представьте себе: часовое еженедельное шоу. Подкаст. Хэштег. Да что там – свой собственный бренд. Мы можем так раскрутить эту историю. – Кент на моих глазах превращается в торгаша. – Разве не здорово будет иметь передачу с национальным охватом в Топ? У Филадельфии есть «Свежий воздух», у Чикаго – «Эта американская жизнь»... а у нас может быть эта, пока что безымянная, передача.

На мгновение я разрешаю себе пометчать: я сижу в большой студии с микрофоном, пока слушатели висят на линии.

– «*Экс-просвет*», – говорю я почти неслышно.

– Что? – переспрашивает Кент.

Я повторяю название чуть более уверенно.

– «*Экс-просвет*»... Да. Да. Мне очень нравится.

Он говорит о передаче так, словно то, что пару часов назад было всего лишь идеей, уже почти *реально*, словно до нее можно дотянуться и потрогать. Он явно потратил целый день, чтобы понять, как лучше нам все презентовать. Может быть, так и работает мозг программного директора – а может быть, ему действительно позарез нужно что-то новое.

Кент хочет, чтобы я лгала.

Кент хочет, чтобы я вела шоу.

– Мой голос, – говорю я. Мужчины поворачиваются ко мне, словно заранее знают, что не так с моим голосом, но не желают признавать это, пока я не объясню сама. Словно это нормально – оскорбить человека, если сперва он сам себя оскорбит. – Что? Вы оба знаете, что я имею в виду. Мой голос в прямом эфире – это катастрофа.

– Ты слишком строга к себе, – говорит Кент. – На общественном радио любят уникальные голоса. Сара Вауэлл, Старли Кайн¹¹. Поразительно, но есть люди, которым не нравится даже Айра Гласс. И ты ведь хочешь быть в эфире. – Он говорит это, будто знает, с какой тоской я смотрю на Палому во время «Звуков Пьюджет».

– Ну... да, – говорю я. – Но не важно, чего хочу я. – Или важно? Я уже не уверена.

Я все еще не могу поверить, что мы говорим об этом. Что мы обсуждаем мою – и Доминика, из всех людей – кандидатуру в качестве ведущей на шоу об отношениях, которых у нас никогда не было. Вчера я, должно быть, провалилась в альтернативную реальность: сначала собеседование, которое, как уверенно заявляет мне Амина, не приведет к получению работы, затем помолвка мамы, а теперь – выдуманные отношения и фальшивое расставание с новой звездой Тихоокеанского общественного радио. Того и гляди воскреснет Карл Кэссел¹² и оставит мне сообщение на автоответчике.

– Простите, я совсем запутался, – говорит Доминик, и он так расстроен, что я, как ни странно, испытываю к нему сочувствие. Оно размером с Паломино семечко чиа. – Мэр ушел в отставку. И вы после репортажа такого уровня хотите снять меня с новостей ради какого-то второсортного шоу?

– Никто и не отрицает, что ты замечательно справился. – Кент отпивает чай. – Но это только один материал, а на нем далеко не уедешь. Быть репортером тяжело. Расследования чудовищно выматывают. Думаешь, сможешь поставлять подобный материал один за другим?

Доминик упирается локтями в колени и смотрит в пол; румянец медленно проступает на щеках, и на лице возникает новое чувство: стыд. Он хочет, чтобы Кент поверил в него – он привык к этому с самого начала. Тут я вспоминаю, насколько он молод. Магистратура длилась лишь год – должно быть, ему всего-навсего двадцать три.

Кент сочувственно улыбается, как бы пытаясь спасти Доминика от перегрева.

– Вчера люди были от тебя в восторге, Доминик, – говорит он. Это признак отличного менеджера: когда он чего-нибудь хочет, Кент точно знает, как нас умаслить – даже если сперва ради этого нужно нажать на больные места. – И от тебя они тоже будут в восторге, Шай. Им просто нужно узнать вас поближе. Не хотелось мне это говорить при всех – пока еще рано, –

¹¹ Сара Вауэлл (р. 1969) и Старли Кайн (р. 1975) – американские журналистки, известные по своей работе на «Этой американской жизни» в качестве редактора и продюсера соответственно.

¹² Карл Кэссел (1934–2018) – американский радиоведущий, известный как новостной диктор НОР и судья на викторине «Стой-стой... не подказывай!».

но... – Он медленно и размеренно выдыхает. – Грядут сокращения. Говорю это скрепя сердце, правда.

Сокращения. Вес этого слова приковывает меня к креслу. Он говорит о новой сетке передач, в то время как они уже запланировали сокращения?

– Черт, – говорит Доминик, и я с прищуром смотрю на Кента.

– То есть совещание было, по сути, возможностью для нас побороться за свои места? – спрашиваю я. – Без какого-либо предупреждения?

– И, к счастью для вас, вы, вполне вероятно, сумели сохранить свои места.

– К счастью для нас, – бормочет Доминик себе под нос. – Как же.

– Что насчет «Звуков Пьюджет»? – спрашиваю я. У меня перед глазами мелькают диаграммы. Я заранее знаю ответ; Кент мог бы с тем же успехом толкнуть стол мне в грудь. Я только сейчас поняла, что ради новой передачи придется прикончить Палóмину.

– Мне очень жаль, Шай. Цифры не врут. У этого шоу самые низкие рейтинги, и нам придется его закрыть. Мне жаль это делать. Совет настаивал на этом несколько месяцев, и у меня связаны руки. Я собирался рассказать вам об этом с Паломой завтра.

– Что с ней будет?

– Ей предложат очень щедрую компенсацию, – говорит Кент. – Ужасно, что приходится так поступать. Терпеть не могу сокращения. Самая ужасная часть моей работы. Но неизбежная. – Его лицо светлеет. – Если вы согласитесь, я сделаю все что в моих силах, чтобы вы были счастливы. Вы даже сможете сами выбрать себе продюсера.

– Рути, – немедленно отвечаю я. – Это она придумала название.

– Отлично. Мне не хотелось ее увольнять, она славная. Хотите Рути – она ваша.

Доминик встает, вытягиваясь в полный рост.

– Совет директоров на это не подпишется.

– Я обо всем позабочусь, – говорит Кент. – Мне нужен ваш ответ к следующей пятнице – или я выдам вам обоим письма с блестящими рекомендациями и вы приступите к работе над своими резюме. – Его взгляд останавливается на Доминике. – Потому что несколько репортеров мне тоже придется сократить.

Доминик резко выдыхает, как после удара под дых. Я хочу ему посочувствовать. Я хочу посочувствовать Паломе и каждому, кто потеряет свою работу. Честное слово, хочу, но...

«Люди будут от тебя в восторге, Шай», – сказал Кент.

Они прислушаются.

Ко мне.

– Забудьте, – говорит Доминик, направляясь к двери с окаменевшими плечами. – Я в этом участвовать не буду.

5

Я провожу кисточкой по холсту и скептически перевожу взгляд с фотографии яблоневого сада на собственную живописную версию. Пара красных клякс, пара зеленых. Прямо скажем, не шедевр.

– А потом он, по сути, дал вам понять, что вы потеряете работу, если не станете ведущими? – спрашивает Амина, окуная кисточку в зеленую краску.

– Да. Жесть, правда?

Она низко присвистывает.

– Не просто жесть, а граничит с нарушением закона. Я должна обсудить это с друзьями из отдела кадров.

Мы на «Залейся краской» – ежемесячном вечере рисования в местном винном баре. Мы уже давно ходим сюда после работы, чтобы расслабиться, но у Амины получается гораздо лучше – я же, наоборот, увеличиваю уровень стресса. Парочка посредственных пейзажей с деревьями все-таки заняла место в комнате для гостей. Но кто ко мне придет? Почему у меня вообще есть гостевая комната? Все, кого я знаю, живут в Сиэтле, но я просто не смогла придумать, что мне делать с третьей спальней.

– Все не совсем так, – настаиваю я. – Просто он правда волнуется за станцию. Но это в любом случае не важно, потому что Доминик отказался участвовать. – А это значит, что если он не передумает в течение десяти дней, то мы оба останемся без работы.

– Отстой. Мне очень жаль.

Я еще не успела по-настоящему осознать, что нас ждут сокращения. С момента встречи с Кентом прошло всего несколько часов, и я, наверное, еще цепляюсь за «Экс-просвет» как за спасательный круг. Мой шанс выйти в эфир и заняться чем-то новым, волнующим и принципиально неизвестным – в руках человека, который ясно дал понять, что не слишком-то меня жалует. И это чувство взаимно, но я бы перетерпела, если бы мне дали собственную передачу.

– Я тебя знаю, – продолжает Амина. – Ты ведь очень хочешь эту работу, да?

– Очень, очень хочу. – Я вздыхаю и окунаю кисточку в воду, а затем опускаю в голубую краску. Небо – уж его-то я, блядь, как-нибудь нарисую. И только когда я провожу кисточкой по холсту, я понимаю, что рубашка, которую сегодня надел Доминик, была того же цвета. – Это глупо, я понимаю. Я уже прикинула темы отдельных выпусков, а затем по дороге сюда начала думать о логотипе... но все это не имеет смысла.

– Эй. Это не глупо. – Она прикусывает нижнюю губу. – Но чисто гипотетически ты бы врала, верно? Разве это немного... не по-журналистски?

Я пользуюсь оправданием Кента:

– Это сторителлинг. Мы в каком-то смысле будем разыгрывать представление. Многие ведущие меняют свой характер в эфире. Никто не ведет себя в жизни так же, как на радио, – все это исключительно ради шоу. Ты специально создаешь образ, с которым слушатели могут соотнести себя.

– В таком случае это, наверное, правда имеет смысл, – говорит она, но ее тону не хватает убежденности. – Итак. Доминик. Ты ведь хотя бы попытаешься его убедить, так?

– Без понятия, каким образом, но да.

– Чем конкретно он тебе так не нравится?

Я с досадой вздыхаю – и из-за вопроса, и потому, что умудрилась превратить небо в мутную коричневую лужицу.

– Он решил, что все знает о радио, и постоянно размахивает своей степенью, будто она делает его каким-то суперэкспертом в журналистике. От одной только мысли о совместной

работе меня трясет. Что ж, по крайней мере позиция соведущих ставит нас в равное положение и может показать ему, что он не лучше меня.

– А он симпатичный?

– Что? – Я давлюсь своим пино-нуар. – Это здесь при чем?

Амина пожимает плечами и отворачивается, якобы отвлекшись.

– Ни при чем, просто любопытно.

– Ну... объективно говоря... он *ничего*. – Я пытаюсь отвертеться, намеренно не думая о его предплечьях или росте – вместо этого вспоминаю, как ему приходится наклонять шею, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. Смогла бы я терпеть такое пять дней в неделю?

Амина отпивает немного розэ, и ее губы изгибаются в едва заметной улыбке.

– Вот только не надо, – говорю я ей.

– Я ничего не сказала.

Инструктор проходит мимо нашего ряда и восторгается картиной Амины.

– Как всегда, отличная работа, Амина, – говорит она, а затем поворачивается к моему шедевру, и улыбка становится натянутой. – Уже почти. Вы двигаетесь в правильном направлении.

Амина сияет. Я закатываю глаза.

– Вот что для меня самое странное в этой ситуации, – говорит Амина. – Ты уверена, что сможешь говорить о своих бывших по радио? Вынести все свое грязное белье в прямой эфир?

Я задумываюсь над этим.

– Видимо, придется. Но мое белье не такое уж грязное, правда? После Трента у меня не было серьезных отношений.

Трент: разработчик с добрыми глазами и преждевременной сединой, с которым я встречалась три месяца в начале прошлого года. Он регулярно делал взносы во время кампаний, поэтому я свайпнула его вправо. На первом же свидании он рассказал мне, как сильно хочет завести семью. Мы вместе проводили каждые выходные, и я быстро к нему привязалась. Мы бродили по фермерским рынкам и паркам, ходили на серьезные пьесы. Мне нравилось, как он обнимал меня в постели, зарывался лицом в затылок и говорил, как сильно ему нравится просыпаться рядом со мной. Я решила, что за «нравится» последует «люблю», но когда однажды в воскресенье по пути на бранч с моей мамой я выпалила признание, он чуть не уехал в кювет.

– Не знаю, готов ли я к такому, – сказал он.

В тот момент мы слушали «Стой-стой... не подсказывай!» и соревновались между собой: зарабатывали очки, когда угадывали ответы прежде, чем это сделают участники. Я тут же выключила радио, не желая, чтобы этот опыт навсегда испортил для меня шоу.

Он настаивал на том, что мы все еще можем хорошо проводить время. И что вовсе не странно, что я люблю его, а он меня – нет. Но он порвал со мной в тот же вечер после самого неловкого ужина в моей жизни.

Я всегда была твердо настроена против бранчей, и Трент лишь укрепил эту позицию.

Люди говорят, что хотят чего-то серьезного, но как только все движется в этом направлении, они удирают прочь. Они либо лгут, либо понимают, что не хотят чего-либо серьезного *со мной*. Этим и объясняется мой перерыв. Но он не мешает мне мечтать о том, что когда-нибудь я выйду замуж. Просто «когда-нибудь» кажется куда более далекой перспективой, когда тебе двадцать четыре, чем когда тебе двадцать девять.

– Я уже предлагала клонировать Ти Джея, – пожимает плечами Амина. – Не моя вина, что технологии развиваются так медленно.

– А ты действительно очень щедрая. – Я подкрашиваю свое дерево красным. Ой, теперь оно выглядит смертельно раненным. Если я повешу это в своем доме, меня замучают кошмары. – Честно говоря, куда большее опасение, чем Доминик или содержание передачи, у меня вызывает мой голос.

– Шай, – мягко говорит Амина, потому что знает, как сильно я стесняюсь. Бывали случаи, когда я умоляла ее делать за меня важные телефонные звонки.

– Ну правда, Амина. Кому нужна Кристен Шаал¹³, когда есть Эмили Блант?

– Мне нравятся уникальные голоса. Большинство старых белых пердунов с НОР звучат для меня абсолютно одинаково. И я тоже ненавижу звук собственного голоса. Автоответчик меня убивает.

– В моем случае это не просто автоответчик – это час каждую неделю плюс подкаст.

– Что бы сделал заурядный белый мужик? – спрашивает она.

Мы с Аминой изобрели эту шутку много лет назад после того, как она посетила семинар об этническом разнообразии на работе. Амина – коренная американка, и она пересказала мне, что, по статистике, женщины – особенно цветные женщины – реже требуют того, что мужчины требуют даже не задумываясь. *ЧБСЗБМ?* – спрашивает одна из нас у другой, когда нужен совет.

– У заурядного белого мужика, скорее всего, был бы идеальный голос для радио, – говорю я. – Но хватит обо мне. Как прошло собеседование?

Амина пытается сохранять невозмутимость.

– Я прошла первый этап. На следующей неделе у меня второе собеседование по телефону. Я визжу.

– Поздравляю!

– Спасибо, – говорит она и через силу смеется. – Все еще кажется, что они идут мне навстречу, но надо признать – это хорошая прокачка для эго.

– Ты и правда хочешь уехать из Сиэтла?

– Я люблю Сиэтл, – говорит она, немного помедлив, – но, наверное, я готова к переменам.

Готова к переменам. Амина, возможно, устроится на новую работу, мама повторно выйдет замуж, а моя передача закроется к концу следующей недели. К такой перемене, как уход с ТОР, я определенно не готова.

– Видимо, моя мама тоже.

– И что... что ты об этом думаешь?

Прошли всего сутки, а они уже назначили дату: 14 июля. Приглашены в основном члены семьи – но семья моей мамы состоит из меня и из Амины с Ти Джейем, в то время как у Филадельфии есть дети, внуки и супруги детей. Видимо, в ближайшем будущем они все станут и моей семьей тоже.

– Хороший вопрос, – отвечаю я. – Все это так внезапно.

– Да, но им уже под шестьдесят. Нет смысла ждать.

– Ты ведь приедешь поддержать меня на свадьбе? Даже если, – мой голос немного меня подводит, – даже если тебе придется лететь из Вирджинии?

Амина проводит кончиком кисточки по моему носу.

– Конечно. Не могу же я пропустить такое событие.

* * *

Дом: щелкаю выключателями, ставлю подкаст. Я проверяю каждую комнату, чтобы убедиться, что одна в доме. Не то чтобы я боюсь, что кто-то вломился и прячется за дверью, собираясь меня убить, – просто, ну, почему бы и не убедиться.

Это нормально. Все, кто живут одни, наверняка это делают.

Убедившись, что маньяков в доме нет, я продолжаю вечерний ритуал: пижама, ноут, диван. У меня есть свой кабинет, но я предпочитаю гостиную. Благодаря телевизору в комнате

¹³ Кристен Шаал (р. 1978) – американская комедиантка, известная по своей работе на мультсериалах «Закусочная Боба», «Гравити Фолз» и «Конь Боджек».

чуть менее одиноко, даже когда он выключен. Наверное, чуть погодя я развлекусь с недавно купленным вибратором – хотя бы потому, что наш с Аминой разговор напомнил мне о том, что у меня почти год не было секса. Конечно, сольный режим – это немного другое, зато у меня есть установленный порядок. И уж что-то, а его я довела до совершенства.

Только когда я достаю ноутбук из рабочей сумки, я понимаю: к концу следующей недели у меня, возможно, не будет работы, которой я смогу себя завалить.

Вместо того чтобы открыть рабочую почту, я захожу в свой банковский счет. У меня достаточно сбережений, чтобы продержаться пару месяцев, и скорее всего, я подам заявку на пособие по безработице. Слабо себе представляю, как это работает. Я вроде бы как и должна это знать, но я никогда не меняла работу. Государство... просто будет давать мне деньги? Господи, я убогая миллениалка. Я поднимаю архивы «Звуков Пьюджет», уверенная в том, что мы в какой-то момент записывали передачу об этом, но функция поиска на сайте мучительно устарела – она доводит меня до белого каления прежде, чем мне удастся найти нужную информацию.

Следующая остановка – форум с вакансиями в общественных СМИ, о котором говорили некоторые из моих коллег в ТОР. Вакансия продюсера в Аляске. Вакансия репортера в Колорадо. Вакансия главного редактора в Сент-Луисе.

И ни одной вакансии на весь штат Вашингтон.

Я знала, что на общественном радио сложно найти работу, но не осознавала, что дела настолько плохи. Я прижимаю руку к груди, пытаюсь унять панические вздохи. Не представляю, чем буду заниматься, если не найду работу на общественном радио. Это все, что я знаю – все, что когда-либо знала. Разумеется, некоторые из этих навыков можно перенести в новую сферу, но я не готова покинуть нынешнюю. Я слишком люблю радио, чтобы с ним расстаться.

Я должна убедить Доминика принять участие в шоу. А для того чтобы это сделать, мне нужно хоть что-нибудь о нем узнать. К счастью, благодаря работе продюсера я блестяще владею навыком интернет-сталкинга.

У него открытая страница на «Фейсбуке». Боже храни наше поколение и отсутствие личных границ. Только вот... неужели я на поколение старше Доминика? У него на странице не указана дата рождения, но он поступил в магистратуру сразу после бакалавриата. То есть сейчас ему 23–24 года. Я стопроцентная миллениалка, но он принадлежит сразу к двум поколениям: моему и поколению Z¹⁴.

Как ни странно, у нас нет ни одного общего друга, то есть он не добавил никого со станции. Я пролистываю его фото. Вот он – мой потенциальный бывший парень с неудачными стрижками и подростковым акне, позирующий на нелепых семейных фотографиях. Здесь его лицо выглядит мягче, хотя уже проглядывает острая линия подбородка. Я была так сосредоточена на своем раздражении к нему, что не заметила: а он *и впрямь* симпатичный. Особенно после стадии неудачных стрижек. Этого парикмахера нужно уволить.

Я бы запросто могла встречаться с таким парнем, думаю я, задерживаясь на фото, где он выступает перед своими одноклассниками, выставив руки в стороны в выразительном жесте. Фото загружено кем-то еще, а описание гласит: «Типичное выступление Доминика Юна: пожалуйста, не высовывайте ноги и руки во время поездки». Я улыбаюсь. Должно быть, шутка для своих.

Я никогда не встречалась с парнями моложе меня; все мои ухажеры были одного со мной возраста или чуть старше. И хотя мы не будем встречаться *по-настоящему*, я не могу отрицать, что где-то там, под поколенческим страхом, скрывается легкий трепет.

¹⁴ Шай – поклонница «теории поколений», популяризовавшей идею, что люди определённой возрастной группы склонны разделять особый набор убеждений, отношений, ценностей и моделей поведения, так как они росли в одинаковых исторических условиях. (Прим. ред.)

Я продолжаю листать и натываюсь на серию фотографий – *кучу* фотографий – Доминика с какой-то рыженькой девушкой. Некоторые фотографии сделаны совсем недавно, в прошлом июне, на выпускном в Северо-Западном. *Миа Дабровски*, гласит отметка. Очень даже милая, с брызгами веснушек на носу, любит яркие цвета. Я смотрю, как они взрослеют с каждой фотографией. Вот они вместе на вечеринке, на пляже, на чьей-то яхте. Чаще всего они окружены группой друзей, но есть и фото, где они одни – прижимаются друг к другу щеками и кривляются на камеру. На выпускном после бакалавриата они в одинаковых мантиях. Они так очаровательно смотрятся вместе. Я щелкаю на ее профиль, но он закрыт.

Его статус – *«не женат»*, и я делаю вывод, что разрыв произошел совсем недавно. Интересно, не по этой ли причине Доминик переехал в Сиэтл и отказывается участвовать в передаче? Я почти ничего не знаю об этом парне, но меня вдруг одолевает незнакомое чувство: я *хочу* узнать о нем больше. Я хочу больше узнать о человеке, у которого была полноценная жизнь в Иллинойсе и который не просто улыбался, а сиял на фотографиях, и тем не менее не добавил в друзья никого из своих коллег.

Есть ли у него вообще друзья на ТОР? Не помню, видела ли я, как он с кем-нибудь выпивал после работы. Как-то на первых порах Джейсон ходил с ним на обед, но затем его перенесли на дневную передачу. Насколько мне известно, Доминик покидал станцию лишь одним образом: в одиночестве.

Я отматываю его фото до самого начала, и тут происходит трагедия.

Моя рука соскальзывает с ноутбука, и я случайно ставлю лайк – на очень старом фото с ним и его девушкой.

Единственное рациональное решение – поджечь себя и ноутбук нахер.

– Бля, – говорю я вслух, бросая ноутбук на подушку. – Бля, бля, бля!

Я подсказываю и трясу своими предательскими руками. Он узнает, что я за ним следила. А это наверняка пробудит в нем нехорошие воспоминания о бывшей, и тогда он ни за что не будет моим соведущим, и черт, черт, как же я умудрилась так облажаться?

Глубокий вдох. Я просто сниму лайк. Он даже не получит уведомление. Я беру ноут и понимаю, что в панике закрыла окно. И теперь мне вновь нужно найти его страницу и отмотать фото, только вот я уже не могу вспомнить, насколько давно было выложено это конкретное фото, и...

Внезапно всплывает уведомление:

Новый запрос в друзья: Доминик Юн.

6

На следующей неделе места постепенно пустеют. В четверг уходит Джесс Йоргенсен, нанятая прямо перед Домиником (она отвечала за репортажи об искусстве), а вслед за ней – диктор выходного дня Брайан Финч. В понедельник Кент сообщает новости Паломе, Рути и Гриффину, а я притворяюсь, что впервые их слышу.

Обычно в ньюсруме постоянно звучит болтовня, но из-за сокращений все притихли. Никто не знает, скольких сотрудников еще уволят, и мы все на нервах. Никогда еще не видела станцию такой. И мне это совсем не нравится.

Дедлайн Кента уже на носу. Всякий раз, когда я пытаюсь перехватить Доминика, он торопится в звуковую комнату или на встречу с информатором, перекинув через плечо сумку с оборудованием. Теперь я еще яснее осознаю, что он всегда, всегда уходит с работы в одиночестве. Ни с кем не перекусывает. Ни с кем не выпивает после работы. Несмотря на похвалу, которой его осыпали коллеги, он волк-одиночка, но я не могу понять, сознательный это выбор или нет. Контингент на станции слегка постарше – я так долго была самой молодой, что у меня не осталось выбора, кроме как подружиться с людьми, у которых есть дети одного со мной возраста. Затем пришла Рути, и я не могла поверить, что она моложе меня.

К среде я заедаю стресс горстями семян чиа, а ведь они совсем не дешевые. Я не могу потерять эту работу. Только не сейчас, когда я так близка к своей цели.

Мне удастся загнать его в угол после дневного эфира, во время которого Паломе брала интервью о психологии сна у университетского профессора. Это другой популярный блок: слушатели могут позвонить, чтобы проанализировать свои сны. Но, видимо, он недостаточно популярен, чтобы спасти передачу. Надо отдать должное профессионализму Паломы – она сохраняет спокойствие, хотя и объявила слушателям в начале недели о том, что передачу скоро закроют. Я ожидала всеобщей поддержки от сообщества – гору писем с просьбами не уходить.

Мы получили один имейл. Имя Паломы в нем было написано с ошибкой.

– Нам нужно поговорить, – обращаюсь я к Доминику, который разогревает мясной кармашек в микроволновке в комнате отдыха. Видимо, университетские привычки неистребимы.

– Решила со мной порвать?

– Ха-ха, – говорю я. – Что думаешь о корейском ресторане тут неподалеку? – Я видела, как они с Кентом обедали там в прошлом месяце. Тогда я позавидовала. У меня ушли годы на то, чтобы получить приглашение на обед тет-а-тет. Ладно, я все еще завидую.

Микроволновка пищит, и он распахивает ее.

– Рекомендую. Надеюсь, тебе понравится.

– Поужинаешь со мной? – умоляю я, прекрасно осознавая, что это звучит как приглашение на свидание. – Я угощаю. Пожалуйста. Тебе не нужно ни на что соглашаться прямо сейчас. Я просто хочу поговорить.

И хотя мне стыдно просить его о чем бы то ни было, я готова встать перед ним на колени, если потребуется. Кент был прав: у нас есть большой потенциал для совместной работы. С моим опытом продюсирования и его журналистскими навыками, а также с Рути за кулисами эта передача может стать лучше, чем «Звуки Пьюджет» за всю свою историю.

А еще эта передача будет *моей*.

По его лицу проносится несколько разных эмоций, словно внутри разворачивается битва.

– Четверть седьмого. Сразу после работы, – наконец отвечает он.

– Спасибо-спасибо-спасибо, – выдыхая, говорю я, обойдясь без чрезмерного унижения. Я все равно складываю руки в молитве. – Спасибо.

Он резко кивает мне, затем перекладывает кармашек на тарелку и пытается выйти из комнаты. Я впервые преграждаю ему дорогу, хотя и достаю ему лишь до ключицы. Если бы

он захотел, он мог бы запросто меня раздавить, отодвинуть своими бедрами. Или оттолкнуть меня в сторону. Пригвоздить к стене.

Я вдыхаю и вновь чувствую запах океана и шалфея.

– Пардон, – говорит он. – Мне нужно перекусить и дописать репортаж – возможно, последний на этой работе.

* * *

Доминик приходит туда раньше – я задерживаюсь в туалете, стремясь избежать неминуемого неловкого молчания во время совместного спуска на лифте. Я подкрашиваю губы и пробегаюсь пальцами по густой челке. Я нарочно надела любимые вещи: коричневые ботильоны, черные джинсы и винтажный пиджак в гусиную лапку. Обычно я не пользуюсь ярко-красной помадой, но отчаянные времена требуют отчаянных мер.

За исключением праздничного вечера, я ни разу не видела его вне офиса. Под «праздничным вечером» мои коллеги имели в виду обыкновенный новогодний корпоратив с красно-зелеными украшениями, елкой и тайным Сантой. Я вытянула собственное имя, никому об этом не сказала и купила себе электрическую менору¹⁵. Доминик выглядел чуть менее зажатым, чем обычно; на нем были черные брюки и темно-зеленый свитер. Я это ясно запомнила, потому что, когда мы вместе стояли в очереди за едой, у меня возникло странное и непреодолимое желание протянуть руку и пощупать свитер, чтобы проверить, насколько он мягкий.

Сегодня на нем тот же свитер, надетый поверх рубашки в клетку, и он по-прежнему выглядит очень мягким.

Ресторан – на самом деле забегаловка в подвале старого дома. Дважды прошла мимо него, не заметив, пока искала вход.

– Давай поскорее закончим с этим, – говорит он, когда я сажусь напротив. – Выкладывай, что хотела.

– Господи, может быть, сперва закажем? – Я открываю меню. – Что посоветуешь?

– Все.

В крохотной забегаловке всего два стола – за другим расположились два бизнесмена, болтающих с официанткой по-корейски. Кухня всего лишь в паре метров от нас, и оттуда доносятся дивный запах.

– Никогда не ела корейскую еду, – признаюсь я.

– И сколько же лет ты живешь в Сиэтле?

– всю свою жизнь.

Он поднимает брови, дожидаясь, пока я сообщу, сколько лет длится «вся моя жизнь».

– Мне двадцать девять, – говорю я, закатывая глаза. – Нам, наверное, стоит узнать возраст друг друга, если мы и впрямь собираемся сделать это.

– Ничего мы не будем делать.

– Тогда почему ты здесь?

Он мог бы ответить: «Бесплатный ужин». Но не отвечает. Секунду он молчит, а затем произносит:

– Двадцать четыре.

Маленькая победа.

Он тоже открывает меню.

– Пулькоги. Корейская говядина на гриле, – говорит он, указывая на ряд блюд в меню. – Белым людям она обычно нравится. Без обид.

– А с какой стати мне обижаться? Я белая.

¹⁵ Семистовольный светильник, один из символов иудаизма.

– Некоторые белые терпеть не могут, когда напоминаешь им, что они вообще-то белые. Их бесит даже разговор о собственной расе.

– Наверное, большинство из нас просто не думают о том, что они белые?

Он криво улыбается.

– Так и есть.

О.

– Что ж. Если ты правда советуешь, то не вижу ничего странного в том, чтобы заказать то, что нравится белым.

В конечном итоге это я и делаю. Он говорит, что я могу попробовать его пибимпап. Странное предложение – и еще более странное от осознания того, что я ужинаю с Домиником Юном. Это наш самый длинный разговор, не связанный с радио. Не знаю, как относиться к тому, что нам проще говорить о расе, чем о якобы обожаемой нами работе.

Когда официантка уходит, мы погружаемся в молчание и я начинаю рвать салфетку. Я нервничаю, находясь рядом с ним безо всяких экранов или микрофонов. Он, как я уже ранее призналась Амине, недурен собой. Разумеется, я и прежде находилась в присутствии симпатичных мужчин на работе.

Но степень привлекательности Доминика Юна немного обезоруживает. При иных обстоятельствах я бы свайпнула его вправо, а затем влюбилась бы в него по уши, а он бы меня бесцеремонно кинул. Может быть, именно поэтому с ним так легко спорить. Мне не было нужды стараться ему понравиться: я уже знала, что не нравлюсь ему.

Слава богу, его предплечья закрыты.

– Я понимаю, – начинаю я, отрывая смачный кусок салфетки, – что у тебя создалось впечатление: либо новости, либо ничего. Но задумайся. Должна же быть в радио хоть какая-то радость, помимо холодных и твердых фактов. Люди ведь слушают подкасты, верно? Их всего-то навсего около пяти миллионов.

– Ты меня сюда привела, чтобы прочесть лекцию о подкастах?

– Уверена, найдется и такой, какой понравится тебе. «Жизнь после магистратуры» – как тебе такой подкаст? Или подкаст для тех, кто считает, что хорошо сбалансированная диета – это кармашек со вкусом пиццы пепперони?

Краешек его рта приподнимается. Едва заметный намек на ямочку.

– Ты ведь ничего обо мне не знаешь. Наверное, этим и объясняется сталкинг в «Фейсбуке».

– Я... просто собирала информацию, – настаиваю я.

– Я слушаю подкасты, – наконец отвечает он. – Есть отличный подкаст об американской юридической системе, который...

Я издаю стон.

– Доминик. Ты меня убиваешь.

Теперь он уже беззастенчиво ухмыляется.

– Сама напросилась. – Он вытягивает под столом свои длинные ноги; интересно, как часто он сталкивается с этой проблемой: слишком тесными столами.

ЧБСЗБМ? – думаю я, призывая отовсюду силы заурядных белых мужчин.

– Слушай, я тоже себе это не так представляла, – говорю я ему. – Я мечтала работать на общественном радио с тех самых пор, как узнала о его существовании. И может быть, «Экспросвет» – не шоу твоей мечты. Но оно откроет для нас столько дверей! Мы совершим прорыв – поверь мне, на общественном радио такое случается далеко не каждый день. Это невероятная возможность.

– Но откуда мне знать, что ты просто не пытаешься сохранить свою работу?

– Потому что ты тоже вскоре ее лишишься, как и я.

Он скрещивает руки.

– А вдруг мне поступали другие предложения?

Я прищуриваюсь.

– А они поступали?

Мы на мгновение замираем, пока он, сдавшись, не выдыхает.

– Нет, я переехал сюда, чтобы работать на общественном радио. Или лучше сказать, вернулся. Я вырос здесь, в Белвью.

– Я и не знала, – говорю я. – Я тоже выросла здесь, но была городской девчонкой.

– Завидую, – говорит он. – Мне запрещали выезжать на шоссе до восемнадцати лет.

Я фыркаю.

– Бедняжка из пригорода. – Но меня удивляет то, как естественно течет наша беседа.

– Все мои одноклассники по бакалавриату устроились либо интернет-журналистами, либо редакторами в провинциальные газеты, которые загнутся через пару лет, – продолжает Доминик. – Я попал сюда не случайно. Я поступил в магистратуру, потому что... – Он запинаясь и чешет в затылке, словно стесняется того, о чем хочет сказать. – Прозвучит нелепо, но знаешь, о чем я всегда мечтал?

– Амбассадор горячих кармашков – не самая популярная профессия, но не позволяй этому себя останавливать.

Он подбирает кусочек салфетки и бросает в меня.

– Я хочу использовать журналистику во благо, поэтому и участвую в расследованиях. Я хочу уничтожать корпорации, которые портят людям жизнь, и лишать идиотов власти.

– В этом нет ничего нелепого, – говорю я серьезно. Не понимаю, зачем стыдиться чего-то настолько благородного.

– Это все равно что сказать, что хочешь сделать мир лучше.

– Но разве не все мы этого хотим? Просто каждый делает это по-своему, – говорю я. – Но почему радио?

– Мне нравится напрямую общаться с людьми. Твои слова обретают настоящий вес, когда у них нет визуального сопровождения. Радио очень личное. Ты полностью контролируешь то, как звучишь, и как бы рассказываешь историю одному конкретному человеку.

– Даже если тебя слушают сотни или тысячи людей, – тихо говорю я. – Да. Понимаю. Правда понимаю. Наверное, я думала, тебе просто повезло с этой работой.

Ямочка вновь угрожает появиться.

– Ну, это правда так. А еще я охрененно хорош в ней.

Я вспоминаю его эфир с Паломой и личное эссе, написанное в универе. Вспоминаю его репортажи на нашем сайте, от которых люди, судя по всему, действительно без ума.

А он *и впрямь* охрененно хорош.

Быть может, именно это я в нем и ненавидела больше всего.

– Не знал, что ты хочешь быть ведущей, – продолжает он. – Я думал, тебе нравится... Ну, знаешь. Продюсировать. Ты ведь этим всегда здесь занималась, верно?

Я киваю. Настало время перейти к личному. Я чувствовала, что это произойдет, что я выболтаю ему всю историю своих отношений с радио, но от этого не легче. Да и вообще, легче никогда не станет.

– В детстве я с папой всегда слушала НОР. Мы играли в ведущих, и это мои лучшие воспоминания о детстве. Я обожала радио, потому что оно рассказывает захватывающие полноценные истории без какого-либо визуального сопровождения. В этой сфере жесткая конкуренция, но мне повезло попасть на стажировку в ТОР, которая в итоге превратилась в работу на полную ставку... и вот я здесь.

– То есть ты хочешь, чтобы твой папа услышал тебя по радио.

– Ну... он не услышит, – говорю я после паузы, не в силах встретиться с ним взглядом.

– О. – Он, уставившись, смотрит в стол. – Блин. Мне очень жаль. Я не знал.

– Прошло уже десять лет, – говорю я, но это не значит, что я каждый день не думаю о нем – о том, как он иногда изображал электроприборы, которые чинил, чтобы рассмешить меня, когда я была ребенком. Даже повзрослев, я все еще находила это смешным. «Рискованная операция, – говорил он о древнем айфоне. – Он может и не пережить эту ночь».

Я благодарна за то, что нам приносят еду – шипящую и дымящую, восхитительную на вид. Доминик благодарит официантку по-корейски, и она склоняет голову, прежде чем уйти.

– Я попросил у нее еще одну салфетку, – говорит он, указывая на конфетти из остатков моей.

– Господи, как вкусно, – говорю я после первого кусочка.

– Попробуй вот это. – Доминик кладет немного риса мне на тарелку.

Несколько минут мы едим в уважительной тишине.

– Итак. «Экс-просвет», – говорю я, собирая смелость, чтобы обсудить то, зачем мы встретились. – Что тебя удерживает? Дело... во мне? Тебе неприятна мысль о том, что мы могли встретиться?

Его глаза расширяются, и он роняет ложку.

– Нет. Вовсе нет. Боже – меня не оскорбляет мысль о том, что мы, типа, *могли* встречаться. Немного шокирует – да, но не оскорбляет. Ты... – Тут его глаза пробегают по моему лицу и спускаются вниз по телу. Его щеки краснеют. Осознание того, что он беззастенчиво меня оценивает, слегка возбуждает.

«Находка. Десять из десяти». Я жду комплимент от человека, который всегда вел себя со мной отвратительно.

Он прочищает горло.

– Классная, – наконец говорит он.

Извините, мне нужно отлучиться – пойду брошусь под машину в час пик в центре города. «Классная» – это Кевин Джонас¹⁶ мира комплиментов. Это все равно что сказать: «Мой любимый цвет – бежевый».

– А ты? – спрашивает он. – Тебя не ужасает мысль о том, что в этой альтернативной вселенной мы встречались?

Я качаю головой.

– И ты ни с кем сейчас не встречаешься.

– Нет, свободен с момента переезда. Но ты, наверное, и так это знаешь после сеанса ночного stalkingа.

Я закрываю лицо руками.

– Ты поверишь мне, если я скажу, что уронила очки на ноут и они поставили тот самый лайк?

– Ни за что на свете.

– То есть проблема в том, что шоу – это не новости.

Он кивает.

– Я учился на журналиста...

– Что, правда? – спрашиваю я, и он закатывает глаза.

– ...и именно этим мне всегда хотелось заниматься. Меня убивает мысль о том, что репортаж о мэре останется незавершенным, что я не смогу сделать продолжение. – Он доедает последний кусочек. – Не говоря уже о том, что я не могу себе представить, каким будет это шоу. Я не знаю, с чего начать. Как я уже сказал, большинство подкастов, которые я слушаю...

– ...скучные? – подсказываю я. – Тебе повезло, ведь я тот еще знаток веселых подкастов. Сброшу тебе список. – Я уже составляю его в уме. Для начала дам ему послушать «Не очеред-

¹⁶ Кевин Джонас – участник музыкальной группы Jonas Brothers и наименее популярный из трех братьев. (Прим. ред.)

ной подкаст о «Звездных войнах», «Культурный конфликт» и «Фэм»¹⁷. Вот уж где ведущие умеют друг друга подкалывать.

– Уже не терпится.

– И пускай эта передача не вписывается в знакомый формат общественного радио, – продолжаю я, – но нам необходима эта изюминка. Если мы все правильно сделаем, ты сможешь работать на радио кем угодно. Ведущие – вершина пищевой цепочки. Предложение Кента – это не мелочи. Это огромное одолжение.

– Тебе не кажется, что он немного... манипулирует нами?

Того же мнения придерживается Амина.

– Таков уж Кент. Знает, чего хочет. И он явно тебя обожает. – Надеюсь, он не заметит зависть в моем голосе. – Такого на общественном радио еще не было. Само собой, национальное отделение делало репортажи, а иногда и целые серии репортажей о дейтинге и отношениях, и локальные станции – тоже. Но им никогда не уделяли целую передачу. И разве это не волнующе – быть частью подобного проекта? – Он пожимает плечами, и я продолжаю: – Наверное, я так долго сидела за кулисами, что теперь хочу проверить, смогу ли добиться большего.

Мое признание тяжело опускается между нами.

– Я и понятия не имел, что ты этого хочешь, – тихо говорит он.

– Просто я не то чтобы твержу об этом на каждом углу. – Я начинаю крошить салфетку номер два. – Но если ты думаешь, что не справишься...

Он наклоняется вперед, опершись на стол, и его глаза загораются чувством, которое я не могу описать словами.

– О, я еще как справлюсь.

Я заставляю себя встретить его взгляд. Это нелегко, но я не хочу, чтобы он решил, что я струсил. Надеюсь, у меня на подбородке нет помады. Надеюсь, он не считает, что я слишком стара для него, хотя бы гипотетически. Надеюсь, он понимает, как сильно мне нужна эта передача.

А значит, как сильно мне нужен и он.

– Три месяца, – наконец говорит он.

– Шесть.

– Шай...

Я выставляю ладонь, пытаюсь не замечать того, как сильно мне понравилось, как он произнес мое имя. Оно пророкотало у него в горле и пронзило меня электрической искрой с пят до некоторых мест, которым давно не уделяли внимания. Интересно, так ли он произносит имя своей партнерши в постели. Рокот. Мольба. Иисусе, я представляю себе Доминика *в постели*. Я не в своем уме. Если меня заводит лишь звук его голоса, у нас будут серьезные проблемы.

– Трех месяцев недостаточно, чтобы собрать преданную фан-базу, – говорю я. – А шести – достаточно, чтобы я получила необходимый опыт ведущей, а ты – достиг того уровня известности, когда сможешь позволить себе взяться за новый проект.

– А если нас вычислят?

– Я не стукачка. А ты?

По напрягшейся челюсти я понимаю, что он размышляет.

– Ладно, – говорит он, и хотя это слово пускает мое сердце в пляс, по-настоящему я хочу только одного: чтобы он снова произнес мое имя.

– Спасибо! – Я вскакиваю из-за стола, но только встав, понимаю, что не уверена, как должна поступить дальше. Неужели я и правда собиралась обнять его? – Спасибо, спасибо, спасибо. Ты не пожалеешь. Я обещаю. Передача будет, мать ее, офигенной.

¹⁷ Выдуманные подкасты.

Он смотрит на меня с неприкрытым весельем. Вместо того чтобы обнять его, я протягиваю руку.

– Ловлю на слове. – Тонкие пальцы его большой руки смыкаются с моими, согревая кожу. – Приятно было с тобой расстаться.

7

– Его зовут Стив, – сообщает мне волонтерка Сиэтлского общества защиты животных, когда мы останавливаемся перед клеткой в конце ряда. – Но я не знаю, подойдет ли он вам.

– Почему нет? – Коричневый метис чихуахуа сидит в дальнем углу на сером флисовом пледе и смотрит на меня большими карими глазами. У него огромные уши, маленький черный нос и неправильный прикус. Милейшее создание, которое я когда-либо видела.

Когда Амина посоветовала мне завести собаку, я изначально восприняла это как шутку. Но в последнее время дом кажется мне более жутким, чем обычно, и, возможно, завести небольшое животное, которое ждало бы меня вечером, – именно то, что мне нужно. Помимо пары морских свинок, которых мы с Аминой завели сразу после выпуска из универа, у меня никогда не было питомцев. В детстве у меня был пес по имени Принц, но я его почти не помню. Родители завели его до моего рождения, а когда мне было девять, он умер. И все же я из тех, кто постоянно спрашивает: «Можно погладить вашу собаку?»

Волонтерка по имени Флора хмыкает себе под нос.

– Он... тот еще фрукт. По нашим подсчетам, ему около четырех лет, но мы не уверены. Его нашли на улице в Северной Калифорнии, а вырос он здесь, чтобы мы смогли с большей вероятностью найти ему нового хозяина. Его уже забирали в конце прошлого года, но он не прижился в семье. У них было трое детишек, а он не то чтобы агрессивный, но ревностно относится к своей территории – немного собственник.

– Как и все мы, – шучу я, смеясь через силу.

Флора не реагирует.

– Он здесь уже почти три месяца, но мы так и не смогли найти новых хозяев. В идеале он должен быть единственным животным при опытном хозяине. Без детей.

Три месяца. Три месяца бесконечного тявканья и ни одного человека, который бы его потискал. Три месяца одиночества. Я даже не могу представить, каково здесь ночью, когда волонтеры уходят домой.

– У меня нет детей и нет других животных, – говорю я.

– Но ведь у вас никогда не было собаки, верно?

Я упомянула это, когда вошла. Но пройдясь по рядам, я не могу представить себе, как возвращаюсь домой с кем-либо из этих собак, кроме Стива.

– Была, в детстве, – говорю я, выпрямляясь и изо всех сил пытаюсь сойти за ответственную собачницу – человека, который может совладать с якобы «сложным» экземпляром вроде Стива. Он весит не больше пяти килограммов. – И у меня есть знакомая дрессировщица. – Ну, вроде того. Мэри Бет Баркли расстроилась, когда узнала о закрытии «Звуков Пьюджет», но я обещала ей, что сделаю все возможное, чтобы пригласить ее на другое шоу.

– В таком случае, – говорит Флора, – посмотрим, как он поведет себя с вами.

Она открывает клетку и наклоняется, чтобы вытащить его, но он зажимается в угол. Ей приходится встать на четвереньки, чтобы залезть в клетку, но когда она его достает, он дрожит. Не могу поверить, что настолько крохотное создание могло кому-то доставить проблемы.

– Если вам что-нибудь понадобится, я буду неподалеку, – говорит Флора, заведя нас в комнату с угощениями и игрушками. Затем она закрывает за собой дверь, оставив меня наедине со Стивом.

Я приседаю. Стив неуверенно обнюхивает воздух.

– Эй, малыш, – говорю я, протягивая руку и давая ему понять, что безобидна. – Все хорошо.

Он наклоняется ближе; коричневое тельце еще дрожит. Из-за прикуса каждое его действие отдает неуверенностью. Оказавшись достаточно близко, чтобы облизнуть меня, он высывает розовый язычок и касается моих пальцев.

– Видишь, не такая уж я и плохая, да?

Он подбирается ближе, разрешая мне погладить себя по спине. Он гораздо мягче, чем кажется, а его белые лапки словно обуты в малюсенькие башмачки. Я чешу его за ухом, пока он не прикрывает глаза и не роняет голову мне на колено так, будто это лучшее, что с ним случилось в этой жизни.

Видимо, я обречена моментально влюбляться и в собак.

* * *

Я подписываю документы, сидя со Стивом на коленях. Я решаю, что его полное имя будет Стив Роджерс. Стив Роджерс Голдстайн. Весьма традиционное еврейское имя. Флора дает мне поводок, ошейник и информацию о местных ветеринарах и занятиях по дрессуре. Я не хочу выпускать его из рук, даже когда достаю кошелек, чтобы заплатить \$200 за «усыновление».

Флора счастлива, но колеблется.

– Обычно в приюте собаки ведут себя скромнее, – говорит она. – Так что не удивляйтесь, если дома его поведение слегка изменится.

– Стоит ли мне беспокоиться из-за прикуса?

– Он совершенно здоров. Просто его маленькая особенность.

– Мне очень нравится, – говорю я и поворачиваюсь к нему. – Обожаю тебя и твой прикус.

Мне сообщают, что я могу вернуть его в течение двух недель и получить компенсацию в полном размере, если что-то пойдет не так. Компенсация в полном размере. За животное. Это жестоко – они как будто заранее ждут, что я верну его.

По пути домой Стива рвет в машине. Когда мы заходим домой, его снова рвет – на ковер, который мне никогда не нравился, – а еще он мочится на кофейный столик и испражняется на ковер в гостиной. Если прежде мой дом был пустым, то теперь он переполнен хаотической энергией. Я готовлю ему лежанку в своей комнате. Он примерно сорок пять минут ебет ее, потом обходит четыре с половиной круга и сворачивается в плотный шар. Когда я пытаюсь к нему приблизиться, он рычит, обнажая свой прикус.

Оказывается, Стив – это ходячий пиздец.

– Я тебя не верну, – твердо говорю я – не столько ему, сколько самой себе. – У нас все получится.

Я прибираюсь, затем пятнадцать минут гоняюсь за ним, пока наконец не пристегиваю поводок к ошейнику. Но когда я вывожу его наружу, Стив застывает на подъездной дорожке, словно впервые увидев внешний мир.

К тому времени, когда он нарезает дюжину кругов по двору, наконец-то устает и возвращается на лежанку, на часах уже почти шесть. По крайней мере, он знает, что это его лежанка, и я считаю это победой. Убедившись, что Стив спит, я фоткаю его и отправляю Амине. Он кряхтит во сне, и я едва не умираю от умиления.

Поскольку я не могу весь вечер таращиться на свою собаку, я отправляюсь на кухню, чтобы приготовить ужин и позвонить маме – я откладывала этот звонок с тех пор, как пару дней назад уговорила Доминика участвовать в шоу. Вот оно – достоинство маленькой семьи: мне нужно нескладно соврать о своем псевдобывшем всего лишь одному человеку.

Мне хочется быть с ней откровенной, но мы обе знаем, как высоко папа ценил радио за честность. Одна лишь мысль о том, что она может пристыдить меня, сказав, что папа был бы во мне разочарован... Этого я допустить не могу. Мне нужно продолжать верить, что, услышав

меня в машине по радио, он был бы счастлив как никогда. А это значит, что правду придется утаить.

А еще я не уверена, что смогла бы справиться с осуждением, узнай она, что я буду врать своим будущим слушателям. Нет – не врать. Приукрашивать правду. Так сказал Кент.

Кроме того, я не могу перестать думать о том, что, проявив себя на этом шоу, однажды, возможно, стану частью проекта, который не приукрашивает правду так сильно. Что как только я получу необходимый опыт, карьера, о которой я всегда мечтала, окажется в пределах досягаемости. Или, раз уж мы говорим о радио, в пределах слышимости.

– Я встречалась с одним парнем, но у нас не сложилось, а теперь мы делаем об этом передачу, – отвечаю я на одном дыхании, когда она спрашивает, как дела на работе.

На другом конце – молчание.

– И о чем будет эта... радиопередача?

Я объясняю ей суть «Экс-просвета» в беспроводных наушниках, параллельно разбирая один из наборов с едой. Чили из белой фасоли и сладкого картофеля на подушке из кускуса. Разбор этих коробок – самое захватывающее, что со мной случается за неделю. Обожаю жить одна. Просто обожаю.

– Ты никогда о нем не говорила, – замечает мама. – Доминик, значит? Разве это не тот парень, на которого ты все время жаловалась?

– В каком-то смысле жалобы были, э-э-э, побочным продуктом нашего разрыва. – Ложь вылетает легко, и мама ей верит.

– Мне жаль, Шай. Но значит, теперь все в порядке, если ты собираешься вместе с ним записывать передачу? Звучит весело.

– Ну да, – говорю я сквозь стиснутые зубы, нарезая чеснок, имбирь и халапеньо. Надеюсь, со временем станет проще. Должно стать. «Это только ради карьеры», – напоминаю я себе. Это не навсегда.

Я меняю тему и спрашиваю, как идет подготовка к свадьбе.

– Мы будем вместе с тобой выбирать платье, – говорит она, даже не пытаясь сделать интонацию вопросительной.

– То есть ты хочешь, чтобы я участвовала?

– Конечно же хочу! Знаю, это немного необычно – выбирать свадебное платье для своей мамы, но без тебя это было бы неправильно.

Разумеется, эта фраза только помогает моему чувству вины разрастись.

– Не терпится услышать тебя по радио, – говорит она; судя по всему, мы обе решаем не говорить вслух то, о чем одновременно подумали: что мой папа был бы вне себя от радости.

– О, и еще кое-что, – говорю я, прежде чем повесить трубку. – Я завела собаку.

Позже, распределив остатки чили по контейнерам, чтобы брать их с собой на обед в течение недели, я захожу в свою комнату и вижу на кровати Стива, свернувшегося в клубок.

– Стив, *нет*.

Я не собираюсь приносить свою кровать в жертву трехкилограммовой собаке. «ЧБСЗБМ?» – спрашиваю себя я, хотя, само собой, этот совет неприменим к ситуациям с участием истеричных чихуахуа.

Когда я медленно приближаюсь к кровати, он рычит.

Так что я переодеваюсь в пижаму, на цыпочках иду по коридору в гостевую, убираю с кровати картины, написанные во время «Залейся краской», и прошмыгиваю под одеяло. Простыни кусаются, а лампа отбрасывает жуткие тени на стены, и я чувствую себя гостьей в собственном доме.

Наверное, в этом есть какая-то метафора.

* * *

Стив будит меня в пять утра, скребя лапой кровать в гостевой. Быть может, мне стоило разориться на матрас получше для своих многочисленных «гостей». Шея болит, а спина скрючилась. Никогда я еще так не ощущала признаки старения, как сейчас. Он оставил на моей кровати несколько подарков, поэтому я сгребаю белье в кучу и бросаю в стиральную машину. Снаружи он уже немного послушнее, разве что теперь не хочет возвращаться внутрь. Ко времени, когда я забираюсь в душ, у меня остается лишь пара минут на то, чтобы высушить волосы.

– Я вернусь к обеду, чтобы выгулять тебя, – говорю я Стиву, прежде чем закрыть дверь. – Веди себя хорошо.

Так что к тому моменту, когда я добираюсь на работу в последний день нашей передачи, я в по-настоящему прекрасном расположении духа.

– Это у тебя случайно не хлопья в волосах? – спрашивает Рути, когда я бросаю сумку под стол.

Я вытаскиваю хлопья и, изучив их, шелчком отбрасываю в ближайшее мусорное ведро.

– Это собачья еда. Прелестно. Я, э-э-э, вчера взяла собаку из приюта.

Ее глаза вспыхивают.

– Правда? Нам нужно поиграть вместе. Джоан Джетт обожает новых друзей. – Весь рабочий стол Рути заставлен фотографиями голдендудля по кличке Джоан Джетт.

Учитывая текущий эмоциональный фон Стива, я говорю ей, что он, возможно, еще не скоро будет готов с кем-либо поиграть.

– Приветик, команда, – говорит Палома во время утреннего совещания. Ей предложили вести джаз-шоу на коммерческой станции, и она настаивает, что с нетерпением ждет нового витка своей карьеры. Хочется верить. – Что ж. Сегодня тот самый день. По-моему, мы здорово поработали. Одиннадцать лет? Большинство передач могут только мечтать о таком сроке.

– Ты восхитительная, – говорит Рути. – Нам повезло у тебя учиться.

Палома улыбается, но я вижу, как больно ей на самом деле.

– Спасибо, Рути. Я собиралась прийти и сказать пафосную речь, но, думаю, все, что я могу сделать на данный момент – это поблагодарить вас за то, что с вами было так приятно работать. Вы такая же часть этого шоу, как и я. – С этими словами она шмыгает носом, пытаясь сдержать слезы. – Готовы к последнему раунду?

Палома, Рути и я смонтировали нечто вроде ретроспективы. Мы часами отбирали фрагменты из лучших эфиров Паломы – самые смешные и самые душещипательные. «Подъездные» моменты – такие, когда не можешь вытащить наушники и зайти в дом, пока не дослушаешь до конца.

В понедельник мы с Домиником сделаем новые шаги в подготовке «Экс-просвета». Начнется настоящая работа. Но сегодня я все еще продюсер, и это все еще моя передача.

Никогда еще час не пролетал так быстро. Ближе к концу студию заполняют коллеги с шампанским. Остается десять, а затем и пять минут, после чего Палома садится за микрофон, чтобы сказать прощальное слово.

– Слушателям, которые были с нами с самого начала, и слушателям, которые, быть может, обнаружили нас лишь совсем недавно, – спасибо вам за поддержку на протяжении всех этих лет. Начиная со следующей недели, меня можно будет услышать по радио «Жаркий джаз» на частоте 610 АМ. А еще наш старший продюсер Шай Голдстайн запускает новое шоу – следите за подробностями. – Она ловит мой взгляд через стекло, и я, прижав руку к сердцу, одними губами говорю: «Спасибо».

Затем время для последнего прощания:

– Вот и кончились «Звуки Пьюджет». Меня зовут Палома Пауэрс, вы слушаете Тихоокеанское общественное радио.

Переход к Джейсону, который сообщает время и погоду, и мы официально завершаем вещание.

Студия взрывается аплодисментами; за стеклом Палома смахивает слезу.

Вот и все. «Звуки Пьюджет» – вся моя карьера в общественном радио, и теперь их больше нет.

Конец и – вскоре – новое начало.

Коллеги врываются к ней в студию и обнимают; наверняка они обмениваются воспоминаниями. Я не слышу их слов и не уверена, что хочу слышать. Палома уходит. Я остаюсь. Через пару дней полегчает, но сейчас меня накрывают противоречивые эмоции.

Доминик ждет меня в вестибюле, прислонившись к дверному косяку в комнате отдыха. В мозгу такая путаница, что сегодня я даже неспособна оценить его предплечья. Когда я направляюсь к рабочему месту, он поднимает за меня термос с кофе.

– Отличная работа, – говорит он, и, должно быть, с ним что-то не так, потому что он абсолютно серьезен.

8

В следующую среду после работы мы с Домиником изобретаем наши отношения и наш разрыв.

Готовясь к сегодняшнему вечеру, я распечатала кучу тестов из серии «Насколько хорошо вы знаете свою вторую половинку?» и позаимствовала у Амины с Ти Джеем пару настольных игр. Все уже ушли, за исключением вечернего диктора, проигрывающего контент с НОР, иногда прерывая его прогнозами погоды. (Частичная облачность. Всегда частичная облачность.) В ньюсруме горят только лампы над нашими головами, а снаружи уже стемнело.

Мы с Домиником провели весь понедельник и большую часть вторника на собраниях с Кентом и советом директоров. Такой совет есть на каждой общественной радиостанции – они решают этические и финансовые проблемы и владеют правами на лицензию станции. Для них наши отношения реальны – правду знает лишь Кент. Сегодня днем он объявил о запуске шоу другим сотрудникам станции. И, как он и предсказывал, они купились.

– Так и знала, что между ними что-то было, – сказала Марлен Харрисон-Йейтс. – Вечно они либо грызлись, либо всеми силами избегали друг друга.

– Неудивительно, что Доминик был против передачи во время мозгового штурма, – сказала Изабель Фернандес с понимающей улыбкой. Я попыталась улыбнуться ей в ответ.

Я все еще не до конца оплакала «Звуки Пьюджет», но не могу позволить себе заикнуться на них. «Экс-просвет» стартует в конце марта и будет выходить каждую неделю по четвергам – это даст нам пару недель на создание контента и правдоподобной истории. «Наша ложь безвредна», – без усталости повторяю я себе.

– Начнем с самого простого, – говорю я, поворачиваясь к нему в рабочем кресле и открывая блокнот. – Как мы начали встречаться?

Доминик прислоняется к столу напротив, подбрасывая вверх резиновый мячик. В ньюсруме случилась перестановка, и теперь наши столы расположены напротив. В то время как на моем месте организованный хаос, его стол безупречно чист, за исключением наушников, лежащих на одном из краев. Никогда не видела настолько чистого рабочего места.

– Ты слышала по радио мой обворожительный голос, – шутит он, подхватывая мячик. Доминик после работы зажат чуть меньше, чем Доминик с восьми до пяти. Его джинсы темно-темно-синие, а серая рубашка в клетку расстегнута на полторы пуговицы. То есть вторая пуговица держится изо всех сил, но каждый раз, когда Доминик двигается, она так и норовит расстегнуться.

– Ты будешь делать это весь вечер? – спрашиваю я, указывая на мячик.

Доминик подбрасывает его и снова ловит.

– Меня это успокаивает.

– Не хочешь сделать заметки?

– У меня отличная память.

Я, уставившись, смотрю на него. Он закатывает глаза, но роняет мячик на стол, садится в кресло и открывает вордовский документ.

– Спасибо.

– Кстати говоря, я послушал твои подкасты. Мне понравился «Культурный конфликт».

– Да? – Надо отдать ему должное. Я не думала, что он на самом деле это сделает, но, судя по всему, он всегда скрупулезен в своей работе. – Какой выпуск ты прослушал?

Теперь его черед уставиться на меня.

– Все.

– Ты... что? – Вот этого я совсем не ожидала. – *Все?* Но их же больше пятидесяти.

– Пятьдесят семь. – Он немного робеет. – У меня было время.

– Хм. По всей видимости.

Я внимательно его изучаю, и меня охватывает странное чувство – не совсем гордость, хотя я действительно горжусь тем, что Доминику тоже понравился «Культурный конфликт». Думаю, я тронута.

Доминик указывает жестом на экран своего компьютера.

– Можно мы, по крайней мере, согласимся, насколько это все нелепо?

– Замечание принято. Теперь нам нужно договориться, что мы – э-э-э, знаю, прозвучит чудовищно – начали флиртовать с первых же дней, когда ты начал работать здесь, и что наши отношения полностью сформировались ко второй или третьей неделе, хотя мы, очевидно, хранили их в тайне от коллектива. Новый город, новая работа, новые отношения. Справишься со всем сразу?

– Видимо, придется, – говорит он. – А как выглядел флирт между нами?

– Я... понятия не имею, – говорю я, застигнутая врасплох этим вопросом. – А как... он обычно выглядит?

Он подтирает подбородок указательным и средним пальцем.

– Хм-м. Думаю, флирт – это не всегда сознательная штука, верно? Если это моя коллега, то я найду оправдание, чтобы подойти к ней и поговорить. Я буду шутить, попытаюсь ее развеселить. Может быть, я прикоснусь к ней, но только в пределах дозволенного и если точно буду уверен, что она не возражает, а если возражает, то немедленно прекращу.

Я разыгрываю эту сцену у себя в голове. Доминик не просто вожденно глазеет на девушку, а как бы случайно, робко улыбаясь, касается ее руки тыльной стороной своей ладони. Он кладет ей руку на плечо и говорит, что ему очень понравилась ее передача или репортаж. Я испытываю легкий соблазн попросить его пошутить.

Доминик Юн, флиртующий со своей гипотетической коллегой, – это не тот же Доминик Юн, которого я знала с октября.

– Ага, – говорю я. – И мне это, стало быть, понравилось. – Я прочищаю горло. – Как долго мы встречались?

– Три месяца, – говорит он так невозмутимо, словно уже все решил.

– Почему три?

– Меньше может со стороны показаться не слишком серьезным, а дольше не получается, так как я относительно недавно вернулся в Сизтл. Тем более, чем длиннее отношения, тем серьезнее все было между нами и тем меньше шансов на то, что люди в это поверят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.